



Елена
АРСЕНЬЕВА

Чаровница для мужа



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Елена Арсеньева
Чаровница для мужа
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249172

Елена Арсеньева Чаровница для мужа: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38605-5

Аннотация

Писательница Алена Дмитриева приехала на Амур в город своей юности продать квартиру умершей тетушки и повидаться с близкими людьми. Дмитриева никак не ожидала, что сразу же станет участницей истории с несколькими загадочными убийствами: следователь не устоял перед ее чарами и посвятил в детали. Жертв трое – байкер, бизнесмен Вторушин и его любовница. На месте преступления каждый раз видели богато одетую высокую китайнку с выбеленным лицом. Появление колоритной фигурантки придало делу особенно интригующий оборот. А любопытную Алену может остановить только пуля. Лишь много позже она понимает, что из-за своей активности сама стала мишенью убийцы...

Содержание

Елена Арсеньева

4

Конец ознакомительного фрагмента.

85

Елена Арсеньева

Чаровница для мужа

И потихонечку катится трап от крыла...
Ю.Визбор

Высокая женщина в черной кожаной куртке и джинсах, тесно обтягивающих ее крепкие ноги, поглубже натянула козырек кожаного кепи и зябко переступила с ноги на ногу. Она пожалела, что надела кроссовки, а не сапоги: ноги замерзли. С утра поманило солнце, а сейчас копятся тяжелые тучи. Иногда пролетит ветерок, пахнувший близкой весной (все же апрель наступил), но от земли, которая всего только чуть оттаяла, из которой еще и травка-то не полезла, разве что около канализационных колодцев, где парит, слегка проклюнулась, исходит зимняя мертвящая стужа. Как ей надоел этот город... как ей не нравился чужой город в чужой стране! Но именно здесь она стала счастливой и богатой. Не дома... ее родной дом совсем близко, за Хейлундзян, рекой Черного Дракона, за Амуром, как эта река называется на русских картах, но домой она никогда не вернется, потому что никогда не изгладится память о полуголодном детстве, о чрезмерно большой семье, о вечно кричащей и ругающейся матери. Нет, туда она ни за что не вернется! Хотя, как говорят англичане, never say never again, или, по-русски, не заре-

кайся. Она прекрасно знала английский, но все же предпочитала русский, ведь когда-то училась в российском институте... Хотя, если дела с мужем обернутся совсем уж плохо, может быть, придется и уехать. Жаль будет бросать бизнес. Нет, свою торговлю она ему не отдаст. Ни за что! Эти торговые ряды – ее достижение, ее собственность. Муж не имеет на них никакого права. Конечно, строительные подряды, которые она получала, доставались ей только благодаря его связям. И небольшой ресторанчик, который она раньше так любила... Но подряды сейчас практически все приостановлены из-за этого чертова кризиса... и неизвестно, когда их удастся возобновить. А в ресторанчике всем заправляет нудный Лю-Ши-Цын, главный повар, который при виде хозяйки сразу что-нибудь пересаливает. Она постепенно перестала даже заходить в «Сяо». Странно, но на выручке это никак не отразилось. Ладно, пока деньги идут, пусть Лю делает все, что хочет.

Ах ты, да как холодно! Она вообще мерзлявая, отец, помнится, смеялся на ней: «Да что ты так дрожишь, будто с острова Хайнань в Маньчжурию приехала!» Не время еще в курточке бегать, пальто, ее любимое пальто с огромным меховым воротником – вот что нужно для ветреного приамурского апреля!

Правда, на задворках, где она сейчас торчит, белое пальто смотрелось бы дико. Кроме того, ее в том пальто только слепой не заметил бы. А в черной куртке и черном кепи, козы-

рек которого прикрывает лицо, она почти сливается с полуразвалившейся стенкой черного обгорелого сарая – притулилась к ней, и та стала ее окопом. Ну да, она сидит в окопе и выслеживает врага. Врагом с некоторых пор стал муж.

Наверное, каждая женщина испытывает такое. Ну, или многие. Человек, ради которого принесено столько жертв, которому отдана жизнь, вдруг про все забывает. Как будто мокрой губкой – грифельную доску, кто-то неведомый стирает его память не только о любви, но и о долге, об обязательствах, некогда данных ими друг другу, о контрактах, подписанных ради того, чтобы брак их укреплялся, расцветал, а не хирел, не умирал.

Неужели он в самом деле все забыл? Неужели до такой степени потерял голову из-за этой девчонки? Да глупости, конечно, подобных девчонок было в его жизни несчитано за все эти годы... жена редко, но все-таки тоже могла поймать минутку краденого удовольствия, прекрасно зная: что бы ни говорила мимолетному любовнику и в какой бы страсти ему ни клялась, никогда не бросит мужа – так же, как он не бросит ее. Они связаны неразрывно. Они скованы одной цепью. Оба прекрасно знают, что очень многого лишатся, если расстанутся.

И вот вдруг... неужели он решился? Неужели хочет ЛИШИТЬСЯ?..

Да нет, нет, не может быть, это очередная интрижка!

Она вздрогнула. Не услышала – сердцем почувствовала

приближающийся рокот мотора. Сколько автомобилей ранее промчалось мимо старого заброшенного сада – она их даже не замечала. А этот...

Этот остановился. Вдали хлопнула дверца. Потом раздались шаги.

Она попятилась. Повисшая на одной петле дверца сарая поддалась за ее спиной, и она шагнула в промозглую глубь, где пахло холодной гарью, а в углах еще лежал черный, словно бы тоже обгорелый снег.

Она скрылась вовремя – высокий осанистый мужчина быстро прошел мимо, оставив позади себя стойкий запах парфюма. Она несколько раз часто сглотнула, чтобы не чихнуть или не кашлянуть. Раньше от ее мужа пахло только сигаретами. Он многие годы курил синий «Kent», не меняя его ни на какие другие сигареты: ни американские, ни французские, ни китайские. «Может, они не очень элитные, – упрямо твердил он жене, когда та стала советовать ему изменить имидж, чтобы соответствовать новому положению богатого человека. – Зато мне с ними хорошо. Они мои нервы успокаивают. А поскольку нервы *мои*, я их успокаиваю тем, что *мне* хорошо, а не какой-то там элите». Точно так же упрям он был, когда речь заходила о необходимости пользоваться мужской парфюмерией. Сколько бесподобных мужских духов жена ему дарила... и эти, которыми он пользуется сейчас, «Obsession night for men» от Calvin Klein, дарила, только настоящие, а не китайскую подделку, какой торговали в од-

ном из принадлежащих ей рыночных ларьков. Он от всех ее подарков отказывался: на самом деле у него была аллергия на многие парфюмы. Но когда какую-то вонючую подделку протянула ему худенькая продавщица и – простая, как русская печь! – сказала: «Молодой человек... – Молодой человек, главное, а ему под пятьдесят! – Купите себе духи, это же совершенно ваш запах. В нем скрыта утонченная гармония силы, нежности, света и тени. Яркий и чувственный парфюм привлекает сочетанием мужской силы и убедительной манерой соблазна, пробуждает вихрь горячих фантазий и чувств, погружая своего обладателя в атмосферу открытого флирта и темных летних ночей...»

«Молодой человек», которому было под пятьдесят, замер, слушая ее голос. И, словно под гипнозом простодушных синих глаз, полез за кошельком.

Ему казалось, что из ее рта вылетают невероятные, чарующие звуки. Как будто девушка пела ему о темных жарких ночах, аромате роз, шуме океана и сверкающих страстных очах. Голос ее был необычайно нежен, а слова... откуда она взяла такие слова?!

Ему не приходило в голову, что Люда Куницына – так звали молоденькую торговку, но имя ее он узнал куда позже, уже после того, как завладел ею, – просто-напросто вызубрила этот текст наизусть. Она продавала голимый, как говорится, контрафакт майд ин Чина, продавала задешево, и благодаря цене этот «настоящий французский парфюм» не нуждался в

дополнительной рекламе, но Люда все же нашла в Интернете рекламу подлинных марок, переписала ее и выучила наизусть. Несмотря на свою молодость и кажущуюся неопытность, Люда Куницына чувствовала людей безошибочно... или почти безошибочно: «почти» в том смысле, что хорошо понимала мужчин, а вот женщин – не всегда.

Этого человека она поняла с полувзгляда. Он – ребенок. Ему нужна красивая обертка. Фантик. Слова, необычно, интригующе составляющие фразу, пусть даже в ней не таится никакого смысла...

– Светланочка Борисовненька, – молитвенно сложив руки на груди, лепетала старшая продавщица, преданно глядя в глаза хозяйке, – вот знаете, как будто петлей она его обвила, Евгения-то Константиновича, ну прям приворожила! Ему, видать, удивительно было, что его кто-то не знает. Повернулся, купил эту дешевку... и не знаю, что они там друг дружке в палатке сказали, только вечером он за Людкой приехал и ее увез. Вы уж простите, Светланочка Борисовненька, я как чувствовала: что-то не так, ну и проследила... Они сели в «Опель» Евгения Константиновича, он скромненько так приехал, на «опелечке», а не на «мерсе»...

Та, кого старшая продавщица называла «Светланочка Борисовненька», ненавидела это свое русское прозвище, но приходилось с ним мириться, чтобы люди не калечили ее подлинное имя и не издевались над ним, ни одной минуты не верила, что Людка Куницына не узнала ее мужа. Да его

практически все в городе знают! Конечно, разные дуры бывают... может, у Людки зрение минус восемь и она забыла линзы вставить, если не отличила прикинутого хозяйкиного мужа от той серой шушеры, что мимо ее палатки ходит круглый день, но вообще-то это ведь сюжет для диснеевской анимашки: бедная служаночка заманивает на рынке покупателя, а он оказывается король!

Да... зря жена короля чохом считала всех русских баб дурами. Зря!

...Муж прошел мимо, и так же долго, как трепетал в ее чутких ноздрях аромат дешевки, с помощью которой его «обвили петлей» и «приворожили» (и никакая аллергия не возникла!), дрожало перед ней его лицо, вернее, выражение этого толстощекого, несколько обрюзгшего уже лица с покрасневшими глазами, под которыми провисли мешки. Чудилось, будто шел себе, шел измученный жизнью труженик, озлобившийся, недоверчивый, во всем на свете изуверившийся, и вдруг учуял аромат цветущей черемухи. И замер, не веря себе, не в силах вспомнить, что это вообще такое столь тревожно, щемяще, сладостно благоухает, в любое мгновение готовый бежать от этого пьянящего и, очень может быть, опасного запаха... но решивший все же помедлить. Он еще тешит себя надеждой, будто может в любую минуту оторваться от сильнодействующих чар, но не знает, что не черемуха то была, не цветок, а алчное, расчетливое животное, которое распустило свои щупальца и...

– Милый мой! Я так тебя ждала!

Восторженный женский голос заставил ее повернуться. Очарованное, влюбленное лицо мужа растаяло. Теперь она видела только его бритый затылок (он всегда брил голову, как новобранец, думал, наверное, что это его молодит, но «ежик» на большой круглой голове делал его похожим на уголовника), подскакивающие широкие плечи, на которых нелепо болталось длинное и легкое кашемировое пальто, слышала чавканье подтаявшей грязи под его ботинками... Он бежал, бежал со всех ног к тоненькой девочке, что стояла на покосившемся крылечке осевшего домишки и тянула руки к бегущему мужчине. На ней был неподвязанный простенький пеньюарчик, под которым сквозило худенькое голое тело, а на плечи она накинула серый оренбургский платок. Голые ноги в дешевых тапках с помпонами выглядели наивно и трогательно, ну до того трогательно, что на какой-то миг у женщины, которая наблюдала за ней и ненавидела ее, вдруг защемило сердце. В этот миг, в долю секунды она вспомнила себя семнадцатилетней, у нее были такие же точеные, тоненькие ножки...

Миг прошел. Она прикусила губу, глядя, как ее муж подбежал к девушке, стиснул ее, ломая в объятиях, как упал перед ней на колени – прямо на грязные, затоптанные ступеньки крылечка упал в эксклюзивных брюках от знаменитого японца Коби Имамуры, который раз в два-три месяца нарочно приезжал из Йокогамы обслуживать нескольких своих из-

бранных русских клиентов, жителей города Ха! – и припал губами к тому месту, кое поэты Поднебесной издревле называли яшмовыми вратами. Девушка смеялась, закидывала голову, потом вдруг замерла под натиском жадных губ, вцепилась напряженными пальцами в кашемировое пальто...

Женщина, следившая за ней, зажмурилась, схватила за сердце. Когда она вновь открыла глаза, на крыльце никого не было. Эти двое ушли в дом, заперли за собой дверь, и, конечно, ежу понятно, чем они там занимаются.

Очертания дома расплывались и качались перед глазами... слезы, что ли, накатили?

Она осторожно промокнула свои сильно накрашенные ресницы. Теперь с прежней отчетливостью стали видны убогое строение и убогий же, голый, по-весеннему неприглядный садик, в котором оно пряталось.

«Что ж он ей квартиру сразу не купил? – подумала она со злой насмешливостью. – И пеньюарчик с нашего рынка, синтетика, копеечный... что же не обмотал ее с ног до головы новыми шмотками?! Денег жалко? Нет, на него непохоже... А может, это потому, что ненадолго, и он не считает нужным тратиться? Или она ему продолжает мозг трахать? Говорит, будто ничего ей не надо от него, никаких денег и квартир, необходим только он...»

Жизненный опыт и проницательность говорили, да нет, просто кричали ей в оба уха, что дело именно так и обстоит. Оттого эта худосочная, с тоненькими ножками соперни-

ца и опасна. Очень может быть, ее муж до сих пор верит, что Людка не подозревает, кто он такой. Дурак, ох, дурак... Он хочет подольше упиваться иллюзией того, что его любят не за деньги! А Людка...

Нетушки, сейчас таких дур нет, чтобы любили не за деньги. Так его любила та, что стала его женой, заключив с ним договор, ставший залогом нерушимой верности... И верность, и договор он нарушил. На глазах своей обманутой жены.

«Я тоже дура, – сказала она себе. – Я могла бы сейчас заснять эту сцену хотя бы на мобильный, и тогда у меня были бы доказательства его измены. И я бы... точно, в суде с этим посчитались бы!»

Она испугалась своих мыслей. Ничего подобного никогда не приходило ей в голову! Суд? Развод? Нет. Она считала себя частью этого человека, а его – частью себя. И вот... вдруг эти мысли пришли...

Дружба дружбой, а табачок врозь, как говорят русские? Неужели?!

Нет, нет, она не хочет, не хочет!

Женщина повернулась и ринулась прочь, не разбирая дороги.

Она не знала, что лишь только отошла от обгорелой стенки сарая, как ее высокая плотная фигура стала хорошо видна на фоне серого забора. И надо же было так случиться, что мужчина, который услаждал свою любовницу на стареньком

диванчике, стоявшем около низкого, покосившегося, как все в этом домишке, окна, поднял голову и глянул вверх занавесок. Сперва его взгляд был бездумен и незряч, потом... потом он узнал эту черную фигуру. Он узнал свою жену.

Взгляд его стал холоден, даже черты лица словно бы разом усохли и заострились. И все же ничто, даже это мгновенное потрясение, не могло остудить тот любовный пыл, который зажгла в нем худенькая, простенькая девчонка, распластанная под его мощным телом. И он вновь склонился к ней, припал к ее губам, которые одни в целом мире могли заставить его отрешиться от ада повседневности, повести к счастью.

К любви, его последней любви...

Ему доставляло наслаждение само сочетание слов: *последняя любовь*. Он думал, они означают, что после этой девушки он никого уже не сможет полюбить, так сильно она его пленила. Он не знал, что смысл этих слов в другом. В том, что у него просто не осталось времени полюбить еще кого-то.

И у нее тоже не осталось времени кому-то еще задурить голову.

* * *

В коридоре захохотали – ну просто гомерически. Вернее сказать – заржали, словно там вдруг, откуда ни возьмись, возник полноценный жеребячий табун.

Алена Дмитриева оглянулась на дверь, осуждающе покачала головой и вновь повернулась к своей подруге. В глазах подруги тоска смешивалась с яростью. Тоску вызывало воспоминание о пропавшем Собакевиче. Ярость адресовалась жеребьячему табуну, бестактно заржавшему именно в ту минуту, когда Александрина (так звали подругу) рассказывала Алене, какой Собакевич был замечательный далматинец, какой умный, все понимающий, как он тонко чувствовал настроение хозяйки и как сердито лаял на Шурика, когда тот снова и снова ссорился с Настей. Шурик – это Александринин сын, которого она, приустав за двадцать пять лет воспитывать и перевоспитывать, мечтала пристроить за хорошую девушку. Настя из всех многочисленных Шурикиных девушек была самой лучшей, Александрина с дорогой душой благословила бы сыночка под венец, да ведь он опять показал свой вздорный нрав. Настя обиделась и убежала, хлопнув, само собой, дверью и присовокупив к сему клятву, что больше никогда-никогда-никогда ни ногой (ни левой, ни правой, ни обеими) шагу не сделает к Шурику. Александрина назвала сына старым дураком, и Собакевич звонко поддакнул, в смысле подгавкнул, поняв ее материнскую печаль, а Шурик топнул на него и сказал: «Заткнись, шавка чертова!», а Собакевич снова гавкнул и пошел в добрые руки Александрины, которую искренне считал не просто хозяйкой, а своей матерью, такой же, какой она была Шурику, и если в самом деле существует такая штука, как им-

принтинг,¹ то далматинец, несомненно, полагал себя человеком – таким же, как Александрина, – а если и удивлялся тому, что непохож на нее, то, наверное, не слишком, в смысле удивлялся не слишком, потому что длинный, мосластый, блондинистый и голубоглазый Шурик тоже мало напоминал свою изящную черноволосую и черноглазую маменьку. Шурик уродился весь в отца, ну и пес небось тоже считал, что и он со своими черными пятнами на белой шерсти – весь в отца, только не в Шурикиного, а в своего собственного, далматинского.

Бог его знает, что он там считал, Собакевич, но только никто так, как он, не умел успокоить Александрину и уверить ее в том, что все будет хорошо. И газету не закроют, а вот шиш этому кризису, врешь, не возьмешь, и Шурик женится на Насте, а если нет, то и ладно, глядишь, еще и получше Насти найдет, и Кирилл, давняя, вечная, можно сказать, неизбывная Александринина любовь, вдруг вывалится из гиперпространства с пылким, как встарь, поздравлением с днем рождения... И все это Собакевич умудрялся внушить Александрине, что характерно, не произнеся ни единого слова...

¹ *Импринтинг (запечатление)* – психофизиологический механизм, благодаря которому впечатление или образ, воспринятые в определенный момент развития, прочно запечатлеваются в памяти, превращаясь в устойчивую поведенческую программу. Младенцы человеческие, а также детеныши животных и зверей отождествляют себя с тем существом, которое находится рядом с ними в самый трудный начальный период их жизни. Именно благодаря импринтингу Маугли считал себя волчонком.

А теперь его нет. Он бесследно исчез. Канул в неизвестность во время прогулки. Александрина вчера утром спустила его с поводка, чтобы побегал на свободе, как делала это тысячу раз, Собакевич кинулся в кусты, как делал это тоже тысячу раз, – но к хозяйке не вернулся, а словно сквозь землю провалился. Такого прежде не бывало ни разу!

Уж Александрина искала, кричала, звала его до хрипоты, обошла все вокруг, заглянула под каждый кустик, она даже заявила в милицию, но бесполезно.

– Ну, он у вас кто? – спросил дежурный. – Кобель? А сейчас собачьи свадьбы, мой вон кобель аж с цепи рвется, за квартал сучек чуя. Что вы хотите, против природы не попрешь!

Александрина объяснила, что ее пес был во младенчестве кастрирован, а значит, зов природы вовсе не должен быть им услышан, ведь не слышал он его минувшие пять лет жизни.

– Кастрирован?! – ужаснулся дежурный. – Какая жестокость, лишить бессловесную животину естественных радостей жизни, какое варварство, женщина... Сердца у вас нет!

И отвернулся от Александрины, присовокупив, что ему работать надо, а не всякой ерундой заниматься.

Александрина не стала ему объяснять, что не сама она Собакевича лишила «естественных радостей жизни», а таким он был ей подарен. Она вообще больше ни слова не сказала. Схватилась за сердце – то самое, коего, по мнению дежурного, у нее не было, но которое отчаянно болело, – и ушла из

отделения.

И пожаловаться, главное дело, оказалось совершенно некому! Шурик помирился с Настей (вот ведь не соврал Собакевич, все по его и вышло!) и последние дни жил у нее, пользуясь отъездом Настиной матери в командировку. Не желая мешать личному счастью сына, Александрина сама-одна отпечатала и расклеила по окрестностям объявления о пропаже далматинца с обещанием щедрого вознаграждения и указанием аж четырех своих телефонов: домашнего, редакционного, личного мобильного и мобильного корпоративного. Не сказать, что все они мертво молчали, особенно редакционный, однако ни один из звонков не имел отношения к судьбе бедного Собакевича.

Единственным светлым лучом в мрачной сплошной лихорадке буден явилось внезапное возникновение из гиперпространства давней-предавней Александрининой подруги Леночки, более известной как писательница-детективщица Алена Дмитриева (тут Собакевич малость дал маху: Кирилл так и не поздравил с днем рождения былую возлюбленную, зато Леночка объявилась), и только-только Александрина начала ей рассказывать про свое несчастье и слегка воскресать душой в дружеском искреннем Аленином сочувствии, как за дверью, вообразите себе, по-жеребьячи заржали! И снова, и опять, и еще раз!

– Ну, знаете! – возмущенно воскликнула Александрина. – Это уже ни в какие ворота! Ни в какие! – И, промаршировав

к двери, распахнула ее настежь.

Полы ее роскошного черно-оранжевого пончо (отопление было в редакции никакое, а конец апреля в городе Ха выдался нынче чрезвычайно полосат по погодным условиям... как, впрочем, и всегда!) взвились, подобно крылам, и Алене за этими крылами не сразу удалось разглядеть, что ржущий табун оказался не столь уж велик, как можно было судить по исторгаемому им звуку, а состоял всего-навсего из двух молодчиков лет этак двадцати пяти, которые рассматривали газетную страницу, вертели ее так и сяк и выкрикивали на разные голоса:

– Прикольно!

– Забойно!

– Отпадно!

– Зашибись!

– Клево!

– Стремно!

– Ща сдохну! – и прочие дурацкие словечки, которыми в нынешнем обществе принято выражать полный восторг.

– Что тут происходит? – ледяным голосом спросила Александрина, и гогот моментально и резко пошел на спад. – Чего ты ржешь, Герка, скажи на милость? Чего ты *так* гогочешь?!

– Извините, Александрина Богдановна, – произнес один из «жеребцов», наголо бритый, с серьгой-скобочкой в ухе и татуировками на мощных бицепсах (несмотря на лютый ап-

рельский холод, он был в одной лишь кожаной жилетке и кожаных джинсах, ну ни дать ни взять байкер самого экстраемального вида, а не сотрудник приличной краевой молодежной газеты!). – Извините. Это мы Венькин матерьяльчик обсуждаем, – и он кивнул на долговязого, бледного, тощего юнца тоже в серье, но, вдобавок к сему, еще и с бабьим кукишем на затылке, в невероятных штанах с мотней ниже колен и в замшевой курточке с бесчисленным количеством бахромы, висевшей где надо и где не надо.

«Ну и репортер нынче пошел в городе Ха, – подумала консервативная Алена Дмитриева, – это же просто персонаж «Республики ШКИД», а не репортер!»

– Вернее, героиню оного, – уточнил «байкер» Герка. – Ну, ту самую знаменитую бизнесменшу-китаезу, которая со своей продавщицей на рынке на Амурском бульваре подралась. Знаете, как ее зовут на самом деле? Да вы, наверное, читали про эту историю?

Александрина Богдановна сузила свои и без того узкие, гуранские² черные глаза, метнула из них пару-тройку молний и выразилась в том смысле, что больно надо ей всякое дерьмо читать, положение зам главного редактора ее, конечно, ко многому обязывает, но не до такой же степени!

Алена ужаснулась. Она на месте Веньки жутко обиделась бы, может, даже кинула б на стол зам главного заявление об

² Гуранами на Дальнем Востоке и в Забайкалье исстари называют детей от смешанных браков между русскими и представителями местных народностей.

уходе... Однако местная молодежь, видимо, привыкла к безапелляционным манерам своей начальницы, а потому и глазом не моргнула.

– Знаете, как ее зовут? – не унимался Герка. – Нет, правда не знаете?!

Его темные, блестящие, влажные от веселых слез глаза перебегали с Александрины на Алену, и столько в его голосе было живой, юношеской, можно сказать, щенячьей, заразительной радости жизни, что писательница Дмитриева невольно улыбнулась в ответ. Вообще-то она относилась к байкерам настороженно (лет тридцать назад, в самой ранней юности, вернее, в детстве, на закрытом просмотре для интеллектуальной элиты – к оной принадлежали ее родители – она посмотрела фильм «The Born Losers» американского режиссера Фрэнка, в русском переводе звавшийся то «Рожденные неприкаянными», то «Подонки», – и навсегда, на всю жизнь, испугалась мрачных, разнузданных мотоциклистов... а детские страхи очень живучи), но этот парень был такой славный! И даже злая, взбешенная Александрина вдруг сменила гнев на милость, и если не улыбнулась, то хотя бы перестала метать в него черные молнии.

– Не знаем, успокойся, – молвила она устало. – Уже скажи скорей, как ее зовут, и перестань нарушать рабочую обстановку.

– Ее! Зовут! – отрывисто выкрикнул Герка, будто ставя после каждого слова восклицательный знак. – Эту! Китаезу!

Зовут! Сунь! Банан! Понимаете?! СУНЬ БАНАН!!!

– Куда? – после некоторой паузы спросила озадаченная Александрина Богдановна, и вслед за этим редакция огласилась новым взрывом гомерического хохота репортеров, к которым присоединились и Алена Дмитриева, и выглянувшие на шум обитатели других кабинетов, и в конце концов сама Александрина. Она по природе своей вообще была чрезвычайно смешлива, а уж смех у нее был чудесный, хрустальный, изумленный и невероятно заразительный, так что теперь уже хохотали впокатуху, ну натурально валялись вообще все, в том числе и заглянувший на шум охранник, и уборщица, и сам главный редактор, важно-валяжный мужчина, больше похожий на какого-нибудь губернатора, чем на журналиста.

Короче, участия в общем разнузданном веселье не принимали только коробки с бумагой для принтеров, нагроможденные в узком коридоре, а также поставленный на попа сложенный стол и пара-тройка компьютеров, то ли лишних, то ли тоже отживших свой век.

Впрочем, нет. Не смеялась еще какая-то женщина, возникшая в дверях редакции.

Она была высока ростом, чрезвычайно дебела и весьма экзотична – экзотична даже для города Ха, где всякого навидались по причине его близкого соседства с Китаем. То есть до такой степени необычно она выглядела, что сначала один хохотун к ней обернулся – и замер, и умолк, и не смог от-

вести глаз, потом – другой, третий... Итак, смех по поводу неведомой Сунь Банан постепенно стих, и все теперь с превеликим любопытством незнакомку разглядывали.

Лицо у нее было мелово-белым, густо набеленным и напудренным, неживым, неподвижным, словно маска. Черные-пречерные смоляные волосы были гладко зачесаны назад и, такое впечатление, чуточку подбриты у корней, потому что лоб казался очень высоким, чрезмерно высоким. Вообще лицо странной дамы напоминало качественно побеленную большую луну. По этой грунтовке она нарисовала маленькие, с булавочную головку, губы, кроваво-красные, словно у вампирицы, небольшие карминные пятнышки румянца на скулах, а также тонкие-претонкие, не толще волосинки, черные брови. На щеках прилеплены были две мушки: та, что на правой, – в форме зайца, а на левой – черепахи. Мушки были крошечные, но вырезаны с таким искусством, что даже по контуру зверька можно было с первого взгляда угадать, кто изображен. Кстати, мушки оказались не черные, как водилось некогда в Европе, а разноцветные: заяц – желтый, а черепашка – зеленая. Глаза у дамы были узкие, но так широко и щедро обведенные черным, что выглядели большими, круглыми и пугающими. Да еще зеленовато-фиолетовая обводка до самых бровей имела место быть... Создавалось впечатление изрядных фингалов, поставленных неизвестно кем. И невольно напрашивался вопрос: да отчего же никто не вызвал наряд милиции при виде этой не то сбежав-

шей из дома скорби шизоиды, не то бродячей вампирши?!

Одежда дамы тоже выглядела поразительно, но совершенно в ином плане. На ней было просторное пальто из тонкой, словно лайка, белой кожи, украшенное затейливым кожаным же кружевом и отделанное белым с черными кисточками мехом. Я не ручаюсь за всех остальных созерцателей загадочной особы, однако Алена Дмитриева такой мех видела прежде только на картинках, изображавших различных царствующих особ. Наверняка это был баснословный горноста́й! Кожаное пальто с горностаем – это звучит гордо, очень гордо, и изумление Алены по поводу странной дамы стало просто непомерным. Может, она, конечно, и вампирша, может, и душевнобольная, но нужды в деньгах явно не испытывает, а точнее, явно не знает, куда их девать.

Несусветное пальто дополнялось столь же несусветными белыми сапогами и сумкой из змеиной кожи – тоже белой.

От этих деталей Алена, раз к ним приковавшись, глаз не могла отвести. Не то чтобы она была таким уж выдающимся серпентологом, по-русски говоря – змееведом: по правде сказать, ничегошеньки в змеях не понимала и отродясь не отличила бы безобидного ужаку от ядовитой гадюки, а во Франции, близ криминальной деревни Мулен-ан-Тоннеруа,³ даже как-то раз веревку, лежащую поперек дороги, приняла

³ О приключениях в этой деревне можно прочесть в романах Елены Арсеньевой «Париж. ru», «Повелитель разбитых сердец», «Поцелуй с дальним прицелом», «Ведьма из яблоневого сада», издательство «ЭКСМО».

за змею и бежала от нее быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла, – однако даже она знала, что белая змея – существо уникальное. Не зря же в фольклоре многих народов (вот уж в чем в чем, а в фольклоре писательница Дмитриева была изрядно искушена!) белая змея – старшая над другими змеями, хранительница кладов, всем змеям змея, и убивший ее получает возможность видеть клады и сокровища. Вкусить мясо белой змеи – то же, что испить воды мудрости, человек обретает дар слышать и понимать вещие речи птиц и животных. Так полагают славяне. А башкиры, к примеру, убеждены, что если перед белой змеей расстелить белый платок, то она положит на него свои рожки, и человек, который получил эти рожки, будет счастливым. Но причинять зло белой змее, царице змей, нельзя ни в коем случае – другие гады сожрут убийцу на месте.

Видимо, в китайской мифологии (а возникшая в редакции дама была, конечно, китаянка) к убийцам белых змей относились менее уважительно, потому что носительница сапог из их кожи выглядела весьма преуспевающей. С другой стороны, не сама же она приканчивала змей, не она сдирала с них кожу и тачала из нее сапоги...

Размышления Алены были прерваны Александрinou, которая наконец-то вышла из ступора и спросила:

– А вы, собственно, к кому?

Луноликая особа обратила к ней свои узкие глаза и внимательно осмотрела, словно решая, достойна ли эта брюнетка

в пончо, чтобы ей ответили, или нет. Видимо, Александрина все же прошла и фейс-контроль, и дресс-код, потому что китаянка кивнула в знак приветствия и, щелкнув замочком (похоже, что платиновым) своей белой змеиной сумки, достала из нее свернутый бумажный квадратик. Буквы «ГМГ», «Губернская Молодежная Газета», сразу бросились в глаза.

– Так, – проговорила догадливая Александрина, – у вас что, претензии к какому-то материалу?

Могучий мужчина – главный редактор – бочком, бочком, неприметно слинял в свой кабинет, из чего следовал вывод, что главным редакционным вышибалой является именно хрупкая и нежная Александрина.

– Совершенно верно, – сказала китаянка на прекрасном, без малейшего акцента, русском языке и кивнула в подтверждение своих слов. – К материалу.

– К какому именно?

– Вот к этому, – китаянка развернула газету. – В нем искажены факты.

Длинный-предлинный ноготь – алый, словно кровь, длиной сантиметров пять, не меньше, вдобавок украшенный блестками, – на миг завис над страницей, и Алена вспомнила, что в былые времена китаянки удлинняли свои ногти с помощью золотых и серебряных наконечников. Особенно этим славилась императрица Цыси. Здесь следует уточнить, что голова писательницы Дмитриевой была битком набита массой разных сведений, порой нужных, порой совершенно

бесполезных, кстати или не кстати всплывавших в памяти. Кажется, это называется эрудицией.

Следя за движением сверкающего ногтя, все вытянули шеи и невольно прочли вслух:

– «Дуэль на рынке».

– О! – воскликнул Венька, краснея. – А! Так вы... – И осекся, и умолк, будто мигом онемев.

– Понятно, – кивнула Александрина, которая, судя по всему, навидалась в этих стенах немало всяческих разборок. – Так в чем дело? Дуэли не было, что ли? В смысле драки?

– Была, – без тени смущения кивнула китаянка.

– Значит, основной факт не искажен? – уточнила Александрина.

– Искражен! – запальчиво воскликнула луноликая.

– Так чем же, чем?! – возопил Венька.

Китаянка повернулась к нему:

– Вы исказили мое имя! Как вы меня называли?!

Венька сделался цвета ее ногтей, только разве что не сверкал.

– Ага, – пробормотала Александрина. – Чужало мое сердце, что именно в банане собака и зарыта!

– Да! – воскликнула китаянка. – Что вы написали?! Как вы меня называли?! Сунь Банан! Что это за имя? Это оскорбление! Какой-то... неприличный сексуальный символ! А я порядочная женщина. Я требую компенсации за моральный ущерб. Банан – не мое имя! Не мое!

– А как же вас зовут? – спросила Александрина самым ласковым на свете тоном, одновременно бросая на Веньку столь свирепый взгляд, что он понял: настала пора писать заявление об увольнении по собственному желанию. И как можно скорей, пока не вышибли по статье.

– Мое имя – Сунь *Банань*! – громогласно заявила китаянка, и воцарилась тишина, которая длилась долго, долго... до тех пор, пока ее не нарушил сдавленный голос Александрины:

– Да... Ну, если Сунь *Банань*... Это меняет дело! Но по-прежнему остается без ответа сакраментальный вопрос: *куда?*!

И вслед за ее словами грянул такой хохот, что главный редактор бесстрашно выглянул из своего кабинета, а Венька с кукишем на затылке понял, что время подачи заявления об увольнении откладывается на неопределенный срок.

А между тем именно в тот момент была убита Людмила Куницына... но об этом никто не знал, да и о ней самой не знал и не ведал никто из присутствующих.

Вернее, почти никто.

За некоторым исключением.

За исключением пособника убийцы.

С того мгновения, как Евгений Константинович Вторушин обнаружил на зеркальном паркете в своей прихожей черную бандану с белым иероглифом и мокасин сорок последнего размера, он уже не сомневался в том, что именно увидит в комнате и кого именно увидит. Такую каскетку с иероглифом носил новый курьер его фирмы – фамилия его была Семикопный, звали вроде бы Алексеем, но имена, в отличие от фамилий, почему-то всегда вылетали у Вторушина из головы. Обычно бывает наоборот: ведь имя запомнить проще, чем фамилию, – однако вот такое было у Вторушина свойство памяти: легко запоминал самые заковыристые фамилии – запомнил с первого раза и эту. Кроме того, у него была отличная зрительная память, а оттого он запросто выучил некоторые китайские иероглифы. Имея жену-китайку, волей-неволей приходится часто видеть их в книгах, в газетах, на одежде, в конце концов даже на нижнем белье. Ну и, само собой, на каскетках – такие каскетки с иероглифами были очень модны среди молодежи города Ха, в котором китайцев обитало чуть ли не столько же, сколько русских. Заковыристая комбинация, изображенная на каскетке, валявшейся на сверкающем полу в прихожей, называлась «Удовлетворение», и Вторушин вспомнил, как на днях слышал сплетню: Семикопный славен своими мужскими доблестя-

ми, ни одну юбку мимо себя не пропускает, более того – дамы и девицы сами к нему в очередь выстраиваются, потому что он всякую может обиходить и довести до восторженных стонов. Короче, не ведает отказу парень... и такое впечатление, что не встретил он его и в доме Вторушина. Своего босса. Не встретил он отказу у его жены.

Привез ей доверенность для ознакомления – и залез под юбку.

Вторушин глубоко вздохнул. Теперь следовало просто войти в комнату, чтобы проверить свою догадку, но ему было страшно это сделать.

– Вот те на, – пробормотал Слава Славин, вторушинский верный товарищ и друг, которого Евгений Константинович нарочно пригласил с собой: в последнее время у него очень не ладились разговоры с женой наедине, а к Славе она всегда хорошо относилась, может, постесняется при нем ругаться, как базарная торговка... с другой стороны, а кем она была на самом деле, как не базарной торговкой?! – Это что тут такое? Кто-то что-то потерял? Куда он так спешил, что раздевался на ходу? Ой, – спохватился Славин, – что я горожу, извини, Женька.

Вторушин глубоко вздохнул. В каждой шутке есть доля шутки, вот именно. И рванул дверь в комнату...

Ну да, он уже угадал, что увидит. А увидел он первым делом голую, накачанную, мускулистую мужскую задницу. Ну что ж, правду говорят, что Семикопный в любую свободную

минуту бегал в тренажерный зал. Вот и накачал мышцы где надо и не надо...

Байкер стоял на корточках и делал резкие движения вверх-вниз. При движении вверх задница вскидывалась, и Вторушин видел напряженные, словно бы в кулаки стиснутые...

«Муди, – подумал он внезапно. – В старину эти штуки назывались муди. Ага, значит, отсюда и взялось слово «мудак», так, что ли?»

– Мать-мать-перемать... – потрясенно выдохнул выросший рядом Слава Славин. – Черт! Это что за камасутра? Что они делают?!

Вопрос был риторический, но Вторушин вдруг вспомнил старый-престарый анекдот – еще совковых времен, когда секса в стране не было и ничего, ну то есть ничегошеньки делать было нельзя ни с кем, кроме как с зарегистрированным в загсе супругом или супругой. В том анекдоте дядька-свидетель давал показания в суде и описывал виденное: «Иду я, товарищ судья, значит, мимо кустов и вижу:...ся!» – «Что вы такое говорите?! – ужаснулся судья. – Извольте уважать советский суд! Не смейте употреблять неприличные выражения. Нужно говорить – сношаются». – «Ага, – кивнул свидетель, – вас понял, товарищ судья. Иду, значит, вижу – под кустом двое... это самое... ну, думаю, неужели сношаются?! Подхожу ближе – смотрю, все ж таки...ся!»

Вот именно это самое действие и творилось сейчас перед

Вторушиным.

В комнате раздавались страстные женские стоны, и было совершенно ясно, что любовники слишком захвачены процессом, чтобы обратить внимание на такие мелочи, как появление в квартире двух незнакомых мужчин.

Вторушин закусил губу. Он предполагал, что жена ему изменяет, так же, как и он ей, впрочем, и давно с этой мыслью свыкся, но не думал, что зрелище самой измены произведет на него столь сильное впечатление, что будет так больно...

Машинально провел рукой по карманам. Окажись в одном из них сейчас пистолет, точно выхватил бы – и пристрелил обоих! Но пистолета не было, это Вторушин тоже знал совершенно точно. Во внутреннем кармане пиджака он нащупал айфон, выдернул его, нажал на кнопку видеозаписи. Высветился дисплей, камера взяла картинку: теперь задница подсакивала и дрожала на экране мобильного. Вторушин осторожно обошел любовников, пытаясь поймать в объектив их лица. Камера фиксировала биение стройного белокожего юношеского тела и полное, рыхловатое, смуглое женское. Краем глаза Вторушин увидел, что Слава Славин тоже выхватил свой телефон и снимает свалку на полу.

А те ничего не замечали! Ловили себе свой преступный кайф! И только когда Вторушин совсем уж близко подсунулся, Семикопный его увидел. И замер...

– Шеф? – пролепетал он, словно сам себе не веря.

– Ну давай... давай! – простонала женщина, открывая

хмельные узкие глаза. Вдруг они расширились изумленно, испуганно... она вскрикнула, словно подстреленная птица, рванулась, но была придавлена к полу сильным мужским телом, а потому выскользнуть не смогла, только смуглыми грудями колыхнула да отвернулась, пытаясь прикрыть лицо. Но было поздно, поздно...

– Вставайте, сволочи, – пытаюсь сохранить хотя бы подобие спокойствия, приказал Вторушин, убирая мобильник. – Вставайте, ну!

– Эх, шеф... – убитым голосом пробормотал Семикопный. – Да чтоб вам на пяток минут позже... весь кайф обломали!

Он извлек наиболее преступную часть своего тела из лона вторушинской супруги, и Вторушин, передернувшись, совершенно не владея собой, закричал, вернее, завизжал:

– Сукин сын! Больше ты у меня не работаешь!

– Да пошел ты со своей работой! – огрызнулся Семикопный. – Нашел чем пугать! Больно надо – за твои копейки ломаться.

– Чтоб я тебя больше не видел! – надсаживался Вторушин. – Попадешься на глаза – убью!

– Да я бы уже сейчас его убил! – воскликнул пылкий Слава Славин, кровожадно глядя на Семикопного и засучивая рукава. – И ничего тебе не будет, Женька. В состоянии аффекта потому что!

– Посторонитесь, дяденька, – скучным голосом сказал Се-

микопный, уже натянувший узкие плавки и засовывавший себя в джинсы, доселе, понятное дело, валявшиеся на полу. – Что это вы такой агрессивный? Подстрекательство к убийству – есть такая статья в УК, не слышали? Номер забыл, но статья точно есть!

– Какой гад! Какой наглый гад! – с беспомощным выражением воскликнул Слава Славин. – Юрист выискался! Ну надо же! Женька, ты что молчишь?! Что ты молчишь?!

Тот и в самом деле молчал. Молчал и смотрел на жену, которая по-прежнему лежала на полу в чем мать родила, как будто не замечая, что на нее таращатся трое мужиков.

– А что ему сказать, если он сам знает, какой у его жены характер? – пожал голыми плечами Семикопный и натянул на них футболку с изображением черепа и мотоцикла под ним. Почему-то именно сейчас Вторушин вспомнил, что его курьер (с этой минуты бывший!) был байкером, а у них подобные картинки в большом фаворе. В общем-то Семикопного приняли на должность курьера именно потому, что он обещал везде поспевать на своей красной «Kawasaki» натурально в миг единый... И поспел наш пострел, как опыт показал. – Знаете пословицу? Кто-то не захочет – кто-то не вскочит! Да она в меня натурально вцепилась. Разве ж я посмел бы?! Жена шефа, то-се... но не устоял, когда она стала всякие китайские штучки изображать... Я вообще люблю взрослых женщин, тем паче если всякая экзотика начинается... Да никто не устоял бы, и ты, праведник, тоже не устоял

бы, понял?

Это адресовалось Славину. За время своей исповеди Семикопный успел надеть куртку, носки и один мокасина (второй, как мы помним, валялся в прихожей), причесаться пятавней и вообще изготавиться к достойному отступлению. А жена Вторушина все лежала на полу, даже не заботясь прикрыться, все переводила с одного мужчины на другого свои длинные черные глаза. И ни словом не возражала против той хулы, которую возводил на нее мимолетный любовник.

– Ладно, – сказал наконец Семикопный. – Пошел я, что ли? Могу спокойно повернуться к вам спиной, шеф? На самом деле, если вы человек разумный, должны быть мне благодарны. Хуже нет – жить со шлюхой и быть уверенным в том, что она порядочная баба.

– Благодарен он должен быть?! – возопил впечатлительный Славин. – Тебе?! – И закашлялся, захлебнувшись негодованием.

– По спинке постучать? – заботливо осведомился Семикопный и направился к выходу – похоже, заканчивать обучаться, а потом смываться.

– Женька, он уходит! – вопил Славин. – Он уходит!!! Что ж, мы его так и отпустим?!

– Пусть катится, – буркнул Вторушин. – Глаза б мои на него не глядели.

– Еще поглядят, – нахально сообщил Семикопный. – Я ж к вам за расчетом приду. У нас в фирме, кто не знает, только

половина зарплаты в бухгалтерии выдается, а остальное – в конвертиках, серым налом, иногда у главбуха, а иногда непосредственно у шефа в кабинете. Так вот я за своим налом к вам в кабинет приду! Я не из пугливых, понятно? Приду!

– Да он угрожает, что ли?! – взвизгнул вконец раздухарившийся Славин. – Угрожает? Нет, Женька, ты как хочешь, а я его сейчас сам, своими руками...

– Пусть катится, – повторил Вторушин. – И мы пойдем. А тебе скажу... – Это адресовалось лежащей на полу жене: – А тебе скажу, что бракоразводный процесс я начинаю завтра же. И никакие уговоры, ты поняла, ни-ка-кие твои фокусы меня не остановят. Все здесь! – Он помахал в воздухе мобильным телефоном и повернулся к двери.

У него даже плечи свело судорогой, так он ждал, что скажет жена, но она молчала.

А что ей говорить? Она была умная женщина и прекрасно понимала, что теперь уже не жена Вторушину. Теперь она *бывшая* супруга – со всеми вытекающими отсюда последствиями...

* * *

Надо, наверное, объяснить, почему Алена Дмитриева, известная как обитательница Нижнего Горького, вообще вдруг оказалась в городе Ха. Это был город ее юности, куда она потом, когда отца-военного перевели служить в Нижний Горь-

кий (тогда просто Горький), порою возвращалась: норовила попасть сюда на практику, вырваться в командировку... В те времена, когда Алена занималась журналистикой, столь дальнее путешествие было худо-бедно реально, но потом, уйдя на вольные писательские хлеба, она могла рассчитывать только на себя и поняла, что хлеба эти не столь уж вольные. На них шибко не разъездишься. А наезжать в город Ха ей очень хотелось! Там оставалась тетка, но она была до того противная дама, что без встреч с ней Алена легко обошлась бы. А еще там оставались две Аленины подруги юности – Александрина и Мария – Сашечка и Машечка. Вот по этой дружбе «трех девиц под окном» Алена и скучала всю жизнь так, что ни с кем из особ своего пола больше подружиться толком не смогла. «Три девицы» встречались редко, слишком редко. По сути, их жизнь проходила вдали друг от друга. И дружба постепенно стала бесплотной, словно засохшие цветы, хранимые в старых книгах.

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...

Ну да, если не знаешь, как выразить свою мысль, читай Пушкина, известное дело.

Шли годы. Бурь порыв мятежный пронесился над голова-

ми подруг, кому только ероша волосы, например Алене, кого время от времени покачивая, будто небезызвестную рябину, например Александрина... А вот Машу бури житейские подкосили и свели в могилу. Алена приехать на ее похороны не смогла, даже не знала о печальном событии: была в то время в любимой Франции. А когда вернулась, ее закрутили дела, хотя мысль о том, что это грех – не побывать у Машечки на могиле, – частенько донимала ее. И вот вдруг срочно понадобилось ехать в город Ха по очень будничным делам.

Как уже было сказано, у Алены жила здесь тетушка, сестра матери, Антонина Васильевна – дама весьма своенравная, ни с кем из близких не умевшая, да и не желающая считаться. Провела она жизнь одна, одна и умерла. Аленина мать с мужем ездили ее хоронить, и эта поездка – все же десять тысяч верст туда и обратно, да сначала поездом до Москвы, а оттуда восемь часов самолетом, да климат дальневосточный ох какой непростой! – накрепко подорвала им здоровье. Поэтому, когда пришла пора вступать в права наследства и продавать квартиру Антонины Васильевны, матушка выписала Алене генеральную доверенность и отправила ее в Ха – хлопотать.

Поскольку родители обещали поделиться наследством, каким бы оно ни оказалось, интерес хлопотать у Алены был самый прямой. Но, пожалуй, не меньше, чем желание поправить свои материальные дела, ее вело желание снова побывать в городе, который она когда-то так любила, где сама лю-

била, где любили ее... может быть, в последний раз в жизни побывать. С Александриной повидаться и сходить с ней в ресторанчик китайский или в другое экзотическое место, знатоком коих Сашечка была. Машу помянуть, на утесе над Амуром постоять, почувствовать ни с чем не сравнимый запах амурской воды, уловить кипенье ветра в высоченных тополях... а если в Ха танцуют аргентинское танго, то сбегать на милонгу!

Если кто еще не знает, милонга – это вечеринка, где танцуют только аргентинское танго. Дело в том, что наша героиня совершенно помешана на аргентинском танго, которое совершенно переменило ее жизнь и даже порой приводило к великим детективным открытиям!⁴

Алена даже написала на общероссийский форум «Gotango» и спросила, знает ли кто-нибудь адреса милонг в городе Ха. Но до отъезда никто ничего не ответил. То ли не знали, то ли не существовало там милонг как таковых...

Как всегда, на пути к тому, о чем намечтала себе наша героиня, судьбой была выстроена некая полоса препятствий. Слов нет: несмотря на всякие бытовые хлопоты и непрестанное общение с риелторами, встретиться с Александриной ей удалось, чему мы были свидетелями. И подружки даже сговорились съездить в субботу к Маше на могилку, а завтра ве-

⁴ Об этом можно прочитать в романах Елены Арсеньевой «На все четыре стороны» и «Черная жемчужина», а также в рассказе «Рождественское танго», издательство «ЭКСМО».

чером пойти на байкерскую сходку: Александрина обещала самые неожиданные и экзотичные впечатления. Но касаясь прочего... Во-первых, лед на Амуре еще не прошел, только едва начал таять, а потому ощутить запах воды было не только затруднительно, но и просто невозможно. Ветер в высоких тополях, которые стояли раньше вдоль улицы Карла Маркса (ныне Муравьева-Амурского), не кипел не только по той причине, что ранее он кипел в листве, то есть летом, а сейчас имел место быть, как уже упоминалось, апрель, но просто потому, что и летом кипеть ему физически не осталось в чем. Все тополя на главной улице Ха оказались срублены. Ну, засоряли они город своим пухом, опять же моль тополияная летела, а листьев по осени падало такое море, что дворники не успевали с этим справляться. Все так, все так, но, когда Алена смотрела на эту прекрасную, любимую улицу, на которой теперь кое-где торчали лиственки и интеллигентно покачивались какие-то прутьи... очень может быть, даже сажены аралии маньчжурской, эдакого дальневосточного грецкого ореха, – ей казалось, что она видит лысую красавицу, которой, сбрав наголо буйные, не поддающиеся никаким парикмахерским ухищрениям кудри, в клинике «Транс Хаер» вживили несколько благостных волосинок – и выпустили ее на люди. И все теперь при виде дамы пожимают плечами и вообще узнают ее с трудом...

Что касаясь аргентинского танго, то с ним вообще была, по-нынешнему выражаясь, засада. Любимый, обожаемый

Аленой танец пребывал в Ха в столь зачаточном состоянии, на таком самостоятельном уровне, что стало понятно, почему ей никто не ответил на форуме. Нечего было отвечать, вот что. Какие там милонги?! Аргентинское танго преподавали в тех же студиях, что и балльные танцы. Проходили заученные связки, а это грех смертный, незамолимый перед танцем, где партнерша никогда не знает, на какую фигуру поведет ее партнер... Какие там, к черту, связки вообще могут быть?! Хоть возьми да и открой студию и сама обучай жителей города Ха, всей душой тянущихся к этому лучшему в мире танцу! А что? Алена уже танговала вполне порядочно, на милонгах в Нижнем Горьком пользовалась успехом у кавалеров, да и в Москве, Питере и Париже очень многие классные тангерос не упускали случая заключить ее в объятия на целую танду, а то и на две. И она знала все базовые фигуры, как для партнеров, так и для дам...

Очень может статься, что наша отвязная авантюристка так и поступила бы, уже лелеяла такие замыслы, даже собиралась спросить у Александрины, которая, как водится у журналистов, знала в Ха всех и вся, где тут можно не слишком дорого снять танцевальный зал (паркет, ламинат или твердый линолеум, на худой конец, сойдет, желательны зеркала, но можно и без них, площадь примерно метров пятьдесят квадратных, ладно, можно тридцать... но, само собой, не где-нибудь на Судоверфи, Южно-Портовой или Базе КАФ, а поближе к «трем горам, трем дырам», как издревле назы-

вались в Ха три центральные улицы и бульвары между ними), и с той же целью просматривала рекламную газетку под названием «Монитор». И в этом самом «Мониторе» Алена вдруг увидела объявление о том, что в городе проводит танцевальный мастер-класс (в просторечии мастерс) преподаватель аргентинского танго из Владика, как в этих краях называют Владивосток. Что и говорить, Владивосток всегда был более прогрессивен и «западнен», если можно так выразиться, чем город Ха, ведь это крупный порт, его даже называют дальневосточным Сан-Франциско. Ха более провинциален, но зато куда более уютен и спокоен. Алена любила этот город несравнимо больше, чем Владик, но от факта никуда не денешься, факты ведь – вещь упрямая, как уверял нас товарищ Ленин: именно в нелюбимом Владивостоке буйно цветет аргентинское танго, именно оттуда едет в Ха тренер, а не наоборот, увы... Зовут тренера, как сообщал «Монитор», Сергей Климов, а учился он танцевать аж в самом Байресе, как люди искушенные, допущенные к тайнам аргентинского танго, называют его Мекку – Буэнос-Айрес.

Мастерс должен состояться завтра, и надо ли говорить, что Алена немедленно позвонила организаторам и записалась на все классы? Она вообще жила по принципу, что никакие знания лишними не бывают. Непременно найдется, чему поучиться и у этого тангеро из Владика. А вдруг... вдруг он приедет без партнерши? Всякое бывает в жизни! И ему с кем-нибудь захочется показать какую-нибудь по-насто-

ящему сложную фигуру. Волькаду, к примеру. Или колыгаду. Или даже пьернас! А как такие вещи покажешь без партнерши?! Небось даже иконам нуэво Арсе или Чичо⁵ было бы слабо сделать это без их партнерш Марианы и Хуаны. Предположим, Климов растеряется, и Алена тогда скажет: «Я готова вам помочь!» А потом Сергей спросит: «Где вы учились танцевать аргентинское танго?» И Алена с законной гордостью – и совершенно правдиво! – ответит, что начиналось это священнодействие пусть и не в Байресе, но в самом Париже! И даже, если будет время, поведаст, какая потрясающая история привела ее в объятия аргентинского танго....⁶

А что? Да запросто такое может быть!

Регистрируясь, Алена вдруг вспомнила, что приехала в Ха практически инкогнито. Встреч с читателями она не хотела, и даже Александрину первым делом предупредила: никаких интервью с детективщицей Аленой Дмитриевой! Конечно, встречать восторженные взгляды почитателей твоего таланта – приятно. Но до чего же неприятно – не встречать! Или слышать: «Писательница? Не знаю такую. Улицкую знаю (Толстую, Рубину etc), а Дмитриеву... А что вы пишете? Детективы? Нет, эту гадость я не читаю!» Ее ужасней всего было слышать от тех, кто читает «эту гадость»: «Дмитриева? Нет,

⁵ Нуэво – современный стиль исполнения аргентинского танго, Себастьян Арсе и Мариано Чичо Фромболи – знаменитые тангерос.

⁶ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», издательство «ЭКСМО».

ваши книжки я никогда не покупаю. Ну, я понимаю, Устинова! И эта, как ее... И та... А вы?!»

Кошмар, да и только...

На самом деле ничего подобного Алене Дмитриевой слышать никогда не приходилось, но мало ли что может случиться?! В некотором смысле она была сушная «умная Эльза» из сказки братьев Гримм, а также скромна, как говорится, не по годам. И, записываясь на мастер-класс, она почему-то взяла да и назвалась не Аленой, а Еленой. Строго говоря, ее так и звали, вдобавок по фамилии она была не Дмитриева, а Ярушкина. Но однажды по воле издательства «Глобус» Елена Дмитриевна Ярушкина стала Аленой Дмитриевой – и больше не желала называться своим подлинным именем. И вдруг...

Сама себе дивясь, она положила трубку. Вообще, глупость, конечно, сделала. Елена Дмитриева! А вдруг ее кто-нибудь фамильярно назовет Леночкой?! Алена ненавидела бесцеремонность в принципе, а фамильярность почитала одним из худших из ее проявлений. Тем паче если ее называли Леночкой... Бррр!

Но что поделаешь? Если она сейчас перезвонит и скажет, мол, предпочитают чтобы меня называли не Еленой, а Аленой, та барышня, которая записывала ее на мастерс, небось решит, что у нее крыша съехала. Довольно и того, что барышня сия, Алена это четко уловила, едва скрыла ироническую ухмылку, когда наша героиня назвала свой возраст. А

услышав, что та придет одна, без партнера, пробормотала себе под нос что-то вроде: «Ну еще бы!» Честно говоря, Алене потребовались немалые усилия, чтобы внушить себе: ослышалась, мол. Иначе следовало затевать скандал, после коего ее появление на мастер-классе будет, конечно, невозможным. И, значит, не удастся словить миг триумфа, не удастся поразить окружающих своим прекрасным исполнением волькад, кольгад и прочего... «Потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих, о Волька-ибн-Алеша?» – вспомнила она из «Старика Хоттабыча», засмеялась – и решила не затевать выяснения отношений и не перезванивать насчет имени. Ну, Елена так Елена. Был в ее жизни человек, которому это имя ужасно нравилось. Кстати, и Алене в то недолгое и весьма оживленное событиями время, что они общались, тоже очень нравилось зваться Еленой....⁷

За пыльными и утомительными домашними хлопотами (небольшая тетушкина квартира была захламлена кучей ненужных вещей, которые предстояло либо выбросить, либо раздать, но сначала их предстояло разобрать) Алена постепенно забыла о неприятном имени и о своей оплошности.

Спустя недели две она благословит себя за эту оплошность... если вспомнит о ней, конечно. Штука в том, что наша героиня крайне рассеянна и забывчива. Как ей с такими качествами удастся сочинять детективы, остается только ди-

⁷ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Бабочки Креза», издательство «ЭКСМО».

ву даваться. Но вот удастся как-то... причем не только сочинять, но и распутывать истории, которые, словно нарочно, сочиняет для нее сама жизнь. Одна такая история была уже сочинена и должным образом запутана, однако Алена об этом даже не подозревала.

Ну что ж, не станем и мы опережать события!

* * *

– Придется на зимние сапоги скидку делать, – было с утра велено Галине. – Может, хоть сколько-то пар продадим еще.

– По сколько скидывать? – деловито спросила Галина, не тратя времени на споры. Какой смысл? Во-первых, хозяйское слово – закон. Спорить себе дороже. Нынче кризис – хорошим местом дорожить надо. Сказано делать скидку, значит, делай. А во-вторых, ну в самом деле, какой резон в апреле держать зимние цены? Давно пора было подсуетиться и изменить надписи на ценниках. Ладно хоть сейчас спохватились.

Хозяйка взяла фломастер и сама принялась перечеркивать надписи, ставя другие цифры. Была она дама проворная, решительная, и скоро все коробки с сапогами оказались испещрены новыми ценами.

– А вот эти, – показала она на большую лиловую коробку, – выстави по прежней стоимости. Итальянские, – сказала любовно. – Понимающий человек и за пятерку их купит. А

тот, кто хочет за две тыщи итальянский эксклюзив поймать, будто китайский скородел, их просто недостоин. Ничего, не продадим сейчас, так осенью возьмем свою цену, возьмем!

Галина кивнула с понимающей улыбкой, а сама подумала, что разумней всего сразу убрать упаковку с «эксклюзивом» с прилавка. Но не убрала. Закрутилась. Как нарочно!

Утро выдалось пустым, ну просто пустейшим. Базарный день нынче себя никак не оправдывал. Обычно в выходные народ начинает кучковаться около прилавков уже часов в девять. А тут... Галина приуныла. И в который раз подумала, что на этом рынке денег не заработаешь. На Центральный надо подаваться, на Амурский бульвар. Но чтобы туда попасть, такая волосатая рука нужна! Там все, ну абсолютно все, китайцы держат. Азеров потеснили, все связи на себя перемкнули. Русских продавщиц берут, конечно, а как же, по новым законам должны местные торговать, но все равно – там уже все схвачено, новому человеку не вклиниться. Эх, вовек Галине не везло – не повезет и теперь, конечно...

Вот такие печальные мысли посещали печальную Галину в то пустое и печальное утро.

И вдруг часиков в одиннадцать покупателей как прорвало! Видать, прослышали про скидки. Ведь не одна Галинина хозяйка спохватилась, что товар сбывать надо. Все вдруг помнели. Ну и народ пошел, нет, прям-таки повалил! Небось даже на Центральном рынке подобного ажиотажа не знали. Со стороны поглядеть – в каждом павильоне десятки чело-

век деловито щупают и примеряют шубы, натягивают сапоги и ботинки... Галина кипами снимала коробки с полок и натурально сбивалась с ног, даже спотыкаться стала.

Так и день прошел. Близился вечер, и Галина, которой по-есть за весь день никак не удалось, а в туалет получилось выбраться только два раза, и то лишь потому, что продавщица из «Домашнего текстиля» согласилась присмотреть за отделом, порадовалась, что наконец-то день закончился. А завтра у нее выходной.

Покупатель, как всегда, шел разный. Кто лез за кошельком, едва ногу сунув в ботинок или сапог. Кто долго и нудно примерял то одну, то другую пару. Особенно одна китаянка Галину достала. Главное, чего сюда приперлась? Шла бы к своим китаезам на Амурский бульвар. Нет, притащилась аж на Судоверфь...

Рожа, конечно, еще та. Вся раскрашенная! Снизу густая побелка, по ней намалеваны глаза, щеки, губы. Жуть, короче. Всего в городе нагладишься, но такой рожи Галина еще не встречала. И была эта китаянка исключительно хорошо одета. Пальто белое с каким-то невиданным мехом в черных кисточках, сапоги и сумка змеиной белой кожи. Наверное, кожа искусственная, продавщица даже мысли не допускала, что натуральная, но все равно – супер!

Галина почему не сомневалась, что на китаянке все искусственное надето: человек, который может позволить себе все натуральное, вряд ли припрется на Судоверфь и самозабвен-

но будет мерить сапоги из козла, не гнушаясь уцененкой!

Галина хотела было показать ей те итальянские, которые хозяйка велела за прежнюю цену продавать, однако засомневалась. И вдруг китайка сама заметила лиловую изящную коробку.

– А там у вас что? – показала пальчиком с длиннющим алым ногтем.

Галина завистливо взглянула на ноготь. У нее у самой ноготочки были слабенькие, хрупенькие, чуть что – обламывались, поэтому она их стригла чуть не до мяса и еще подпиливала. Хозяйка сто раз говорила, что продавец Галина хороший, но ее неэстетичные пальцы весь вид портят, надо, мол, гелевые ногти нарастить, но у Галины руки все не доходили, да и денег было жалко. Это ведь как наркотик – гелевые ногти, их надо все время наращивать, кто-то на экстази садится, а тут на акрил подсядешь. Никаких денег не хватит! И снова она подумала: почему эта китайка, если не богатая, то явно очень зажиточная, притащилась на второразрядный рынок?

– Ну что, язык проглотила? – рывкнула между тем покупательница, и Галина спохватилась, что задумалась не о том.

– Это итальянские сапоги, фирменные, скидки на них нет, – проговорила она, не скрывая мстительной нотки в голосе, совершенно уверенная, что намазюканная китайская физиономия сейчас изрядно полиняет от разочарования, однако та расплылась в улыбке:

– Итальянские? Почему?

– Пять тысяч, – с еще более мстительной интонацией выпалила Галина, и опять вышло, что зря старалась.

Китаянка снова улыбнулась:

– Ну, наконец-то хоть что-то путевое. Чего ж ты мне козам подсовывала? Какой размер?

– Как раз ваш тридцать шестой, – засунула в карман гордость Галина и открыла коробку, а сама отошла к другим покупателям.

– Отличные сапоги, – довольно сказала китаянка. – Наверное, я их возьму.

Галину опять стали рвать на части, несколько раз она, конечно, поглядывала на китаянку, а все же пропустила момент, когда лавочка, на которой та сидела, вдруг оказалась пустой.

Галина так и замерла, зажав в руке не отданную покупателю сдачу. Окинула взглядом палатку... Нет китаянки! Исчезла! А вместе с ней пропала и коробка с сапогами!

С теми самыми, итальянскими. Которые без скидки!..

Галина метнулась было к двери, но покупатель ухватил ее за рукав:

– Эй, вы куда? А моя сдача?

Она сунула ему деньги, руки так тряслись, что купюры рассыпались, мужик начал лаяться, но Галина ничего не слышала – выскочила из палатки, бросилась туда-сюда и обмерла, увидев китаезу в белом, которая неторопливо удалялась по дорожке между рядами палаток. А под мышкой она со-

вершенно бесстыже держала лиловую коробку с итальянскими сапогами!

– Стой! Куда! Отдай! Держи! – бестолково завопила Галина, кидаясь было вслед, но тут же тормозя на месте, потому что в такой ситуации можно одну пару вернуть, а десять потерять, народ нынче ушлый пошел, ни стыда ни совести, все живенько растащат, а ей плати... да не расплатишься ведь! – Милиция... кто-нибудь... украла! Она сапоги украла! Держите ее!

Китаянка воровато обернулась через плечо и увидела мечущуюся Галину. И вдруг... отшвырнула коробку и... пустилась наутек!

Честное слово.

Краденое бросила – и дала деру!

Галина в первую минуту подумала, что коробка пустая, что сапоги китаеза умудрилась в свою белую сумку запихнуть, но нет! Они, родимые, вывалились вместе с шелковой бумагой, в которую были обернуты! И даже запасные набойки выпали на землю!

Галина не могла с места двинуться. Надо было бежать, подбирать добро, но она стояла столбом, словно картина, виденная ею – сапоги, валяющиеся на грязном асфальте, – могла сама убежать, испугавшись ее радости.

– Света! – крикнула она наконец, и продавщица из «Домашнего текстиля», для которой день сегодня был пустым и скучным, выглянула из своей палатки. – Свет, присмотри за

моими!

Та понятно кивнула и отправилась «приглядывать», а Галина на рысях понеслась к брошенным сапогам. Оказалось, они валяются дальше, чем ей померещилось, и она вдруг поняла, что китайка вполне могла с обувью удрать – если бы захотела. Галина бы ее не догнала, а охранников нигде и в помине нет. Как всегда, они только и знают, что деньги с владельцев палаток драть. Рэкетеры какие-то, а не охранники!

Да, китайка могла удрать с сапогами. Но предпочла их бросить. Почему?

Наверное, подумала Галина, потому что больно уж рожа у нее приметная. И одета так, что за версту в глаза бросается. Небось побоялась, что Галина опишет ее милиции, и решила убраться подобра-поздорову, справедливо рассудив, что несчастная продавщица будет до такой степени счастлива вернуть товар, что не станет поднимать шум

Правильно рассудила! Умная баба, что и говорить, – даром что китаеза! С такой рожей, в таком прикиде ее непременно нашли бы и задержали. Ради каких-то сапог, пусть даже и итальянских, рисковать угодить в тюрьму? Нет, правильно сделала эта намазюканная. Но если она попадется Галине еще хоть раз... Ну вот пусть только попадется! Галина эту мымру навеки запомнила, на-ве-ки!

Продавщица вернулась в палатку, прижимая к груди коробку, куда на ходу запихивала сапоги. Подбирая их, она за-

метила красный ноготь, валявшийся на затоптанном бетонном полу. Ха! А ноготочки-то у китайнки оказались пластмассовые, дешевенькие, накладные! Самое бы то ей кожзам носить, с подобными-то ногтями! От такой мысли настроение Галины еще раз в два улучшилось.

Она не знала, что полчаса назад, как раз когда китаеза примеряла «итальянский эксклюзив», был убит один из iron butts.⁸ Впрочем, Галина не знала даже, что эти слова означают.

Да если бы и знала? Ну что ей за дело до какого-то придурка в кожаной куртке?!

* * *

Его нашли в подъезде. Он лежал около мусоропровода, свернувшись калачиком и подложив под щеку одну руку. Вторая была откинута ладонью вверх. Лицо его было спокойным, как у спящего. Ольга Ивановна сначала и решила, что парень спит. Порою, в стужу, в подъезд, непонятным образом преодолевая домофонную преграду, проникали-таки бичары, которых, несмотря на диктат Центрального телевидения, Ольга Ивановна никак не могла приучиться называть бомжами. На самом деле это, конечно, одно и то же, но би-

⁸ iron butt – здесь: железная задница (англ. сленг).

чами бездомных бродяг зовут только на Дальнем Востоке. Бич, bichmen – береговой человек, иначе говоря, безработный моряк. Постепенно это прозвище перешло на всех побродяжек: в словаре появилось слово «бичиха» – женского рода – и «бичара» – имеющее отношение к представителям обоего пола.

Это, собственно, реплика, как говорится, в сторону: Ольга Ивановна на лингвистических деталях не заикливалась, она просто отметила – вот, мол, еще один бичара спит. Два часа назад, когда она возвращалась из магазина, его не было, а сейчас залег, однако бич нынче прикинутый пошел, куртка еще очень даже ничего, – дама высыпала мусор из ведра, осторожно, чтобы не попасть на спящего, она была снисходительна к слабостям ближних своих, – и пошла домой.

Это было вечером. Ольга Ивановна рано легла спать, а среди ночи ее разбудил настойчивый звонок в дверь.

Глянула в «глазок» – на площадке маячит человек в милицейской форме и требует открыть. Ольга Ивановна спросонок ужасно перепугалась, вспомнила какой-то сериал, в котором вот так к одинокой старушке ворвался оборотень в погонах, и собралась было потребовать предъявить документы, как вдруг увидела, что «оборотень» звонит и в другие квартиры, и двери их отворяются. На полутемной площадке (лампочка вчера перегорела, и пока что никто не успел проявить сознательность и новую вкрутить) сразу стало светлее. Вышли Павла Николаевна и Павел Николаевич (да, вот так

чудно звали супругов Скобликовых) в одинаковых махровых халатах, вышел Сережка Поваляев в незастегнутых джинсах, под которыми, кажись, ничего не было (Ольга Ивановна быстренько глянула и поджала губы, чтобы не сплюнуть), ну, коли так, и сама Ольга Ивановна выползла на площадку, как всегда, придерживая халат на груди и на подоле, там, где пуговицы оторвались, и, как всегда, поругав себя за забывчивость: ну когда соберется пришить, в самом-то деле?!

– Доброе утро, то есть ночь, – неловко пожимая плечами, сказал «оборотень». Был он, между прочим, ни на какого оборотня не похож: симпатичный светловолосый парень, а при нем штатский – с темными волосами, но тоже молодой и ничего себе (Ольга Ивановна подумала, что ей все молодые, что парни, что девчонки, кажутся симпатичными... небось это возрастное! Да и Сережка Поваляев тоже очень даже славенький на мордашку был бы, кабы не водил к себе невесть кого по ночам и штаны почаще застегивал, когда на люди выходит). – Извините, граждане жильцы... а в этой квартире почему не открывают, не знаете? Кто там живет?

– Хорошее дело! – буркнул Поваляев. – Людей среди ночи будить, чтобы спросить, кто в пятнадцатой квартире живет!

– Да уж, – пробормотала Павла Николаевна. – В ЖЭУ узнали бы или у участкового. И уж не ночью, конечно.

– Мы вам все объясним, – улыбнулся темноволосый штатский. – Только ответьте насчет проживающих в этой квартире.

– Ну, вообще-то, – уже миролюбивей заговорила Павла Николаевна, – там жила женщина одна, Наталья Петровна Болдырева, но она к сестре в Благовещенск переехала, детей ни у той, ни у другой нет, вот они и решили вместе жить, а квартиру Наташину сдавали. Ее сняла женщина какая-то, да мы ее и не видели. Может быть, она тоже сразу сдала квартиру кому-то еще, потому что пару раз мелькала тут какая-то китаянка – высокая, полная. Но именно что мелькала. Можно сказать, никто тут и не живет.

– Не живет... – задумчиво повторил темноволосый. – Да, я не представился – следователь Панкратов, зовут Александром Александровичем. Это наш сотрудник Казик Игорь Олегович, – кивнул он на светловолосого в форме, после чего оба достали удостоверения и помахали ими перед заинтересованными лицами. Ольга Ивановна разглядеть в «корочках» ничего не успела, но не слишком обеспокоилась, потому что у Павлы Николаевны был не глаз, а подлинный алмаз с лазерным прицелом, и если на ее остроносом лице беспокойства не выразилось, выходит, и в самом деле беспокоиться не о чем: и удостоверения подлинные, и следователи настоящие.

– Значит, ситуация такая: в вашем подъезде около мусоропровода обнаружен труп. Поступил звонок от жильца из квартиры номер одиннадцать. Он поздно возвращался домой, видит, кто-то лежит, решил, что бич нашел себе место для лежки, не стал его, по человеколюбию своему, беспоко-

ить, но случайно об его ногу споткнулся и обратил внимание, что она – как деревяшка. Экспертиза покажет, как давно убит этот человек...

– Убит?! – так и ахнули все, кроме Ольги Ивановны: у нее перехватило горло от догадки: да ведь она видела труп этого убитого бича... еще днем видела, да и все другие его небось видели, все мимо мусоропровода проходили и так же, как она, решили, что отдыхает бродяга... не стали его гнать по добросердечию, а оно ведь вон как вышло! Оно вон как!

Точно, все жильцы человека на площадке видели: постепенно Панкратов это из всех вытянул. Но не все приняли его за бича.

– Какой он бич? – хмыкнул Сережка Поваляев. – Одет нормально, что, не заметили, какие у него джинсы? Куртка кожаная, вполне приличная, не фонтан, но тоже ничего. Неужели ж он ее на помойке подобрал?

– Ох, да в наше время чего только не выбрасывают на помойку! – вздохнула Павла Николаевна. – Те, которые богатые, они же вещи совсем не ценят!

В самом деле... Та же Наталья Петровна Болдырева, когда к сестре переезжала, столько добра в мусорные ящики в соседнем дворе снесла! Ольга Ивановна к ним потом прогулялась, посмотрела... ну, и прихватила кое-что. А почему бы не прихватить? Если Наталья выбросила – значит, вещи ей не нужны. А вещи у нее хорошие были, может, и не модные, но добротные, и вообще – к чему людям в возрасте за модой

гнаться?

– Ну, вряд ли это с помойки, – сказал Панкратов. – Надо уточнить, конечно, но одежда на убитом явно не с чужого плеча.

– Убили, е-мое... – пробормотал Сережка. – И что, его зарезали? Застрелили? Хотя нет, наверное, выстрел слышен был бы...

– Тем не менее его именно застрелили, – сказал Панкратов. – И, судя по вашим словам и общему удивлению, выстрела никто не слышал?

Все начали ретиво качать головами: нет, мол, не слышали, ничего не слышали, иначе, конечно, сообщили бы.

Собственно, Панкратов этому не удивился: по раневому отверстию на теле трупа и без экспертизы было понятно, что стреляли в упор из пистолета с глушителем. Характерный хлопок мог быть услышан, конечно, но не был: среди дня и дома-то никого не оказалось. Нет, конечно, кто-то все же находился дома – тот, кто убил этого могучего высоченного парня по имени Алексей Алексеевич Семикопный: во внутреннем кармане куртки нашлось водительское удостоверение, а больше ничегошеньки – ни копейки, ни рубля, ни пластиковой карты, ни даже носового платка. Видимо, обобрали. Удостоверение то ли не заметили, то ли не сочли заслуживающим внимания.

Ну что ж, меньше хлопот с идентификацией трупа.

– Послушайте, – сказал Павел Николаевич, – а почему вы

именно нас спрашиваете? Или с соседями с других этажей уже поговорили? Ну, к примеру, с третьего? Ведь, если парень этот лежал мертвым между третьим и четвертым этажом, логика подсказывает, что его убили или на нашем, или на третьем.

И победоносно огляделся.

– Логика правильно подсказывает, – кивнул Панкратов. – Конечно, мы поговорим с вашими соседями, но дело в том, что... Никто из вас внимания, наверное, не обратил, а между тем... – И он показал на коврик, лежавший под дверью пятнадцатой квартиры, где некогда жила Болдырева.

Коврик был старенький, плохонький, вытертый, в незапамятные времена сплетенный из разноцветных тряпочек, а теперь какой-то неопределенно темно-грязный. Он лежал небрежно скомканным, а когда Панкратов его чуть сдвинул, оказалось, что он прикрывает небольшую лужу крови. Ну, лампочка на площадке не горела, как уже было сказано, поэтому раньше никто ничего не заметил.

Женщины взвизгнули. Павел Николаевич охнул.

– Та-ак... – протянул сдавленным голосом Сережка. – Значит, здесь его застрелили, а потом уволокли к мусоропроводу и пристроили в позе спящего? Но странно, что крови довольно мало и здесь, и на лестнице вроде нет... во всяком случае, я не видел, а кто-нибудь видел?

Скобликовы и Ольга Ивановна в один голос подтвердили, что никаких кровавых пятен не заметили.

Панкратов снова кивнул. Он им верил. Убийца Алексея Семикопного был весьма хладнокровен и расчетлив. Кроме того, он обладал недюжинной силой. Он внезапно выстрелил в сердце парню, конечно, не ожидавшему, что его станут убивать, немедленно подхватил падающее тело и буквально одним прыжком оттащил его к мусоропроводу. И успел уложить в позе спящего, да еще и заткнул при этом рану толстым, видимо, заранее приготовленным тампоном. И это середь бела дня! Вероятно, убийца очень хорошо знал, что в такое время подъезд практически пуст. Видимо, именно поэтому он и запланировал убить Семикопного именно днем, чтобы обеспечить себе алиби.

Панкратов не сомневался, что имеет дело с тщательно спланированным убийством. При свете фонарика он уже разглядел на одной ступеньке мелкую, почти невидимую россыпь кровавых капелек. Все-таки убийце не удалось во-все оберечься, кровь из раны текла. Наверняка можно будет найти следы и вытертой крови. Но то, что больше всего ее под дверью пятнадцатой квартиры, свидетельствовало, что Семикопный шел именно сюда. Он позвонил или постучал, ему открыли – и прикончили выстрелом в упор. Его ждали. Его ждал кто-то из тех, кто снимал эту квартиру, а может, просто близкий к ним человек, который мог забрать ключ у временных жильцов. Семикопного готовились убить. Каким-то образом заманили сюда – и убили. Все продумано, все рассчитано... Все сделано очень чисто!

Одно беспокоило Панкратова в этом «чистом» убийстве: лужа под дверью. Человек, который тщательно затирает брызги на лестнице, почти не позаботился о том, чтобы скрыть лужу под дверью. Бросил на нее половичок, ну и что? Чистая случайность, что никто из соседей крови не увидел. Убийца, каким уже представлял его себе Панкратов, не мог допустить такой небрежности. То есть сначала он приготовился тщательно замести следы, а потом плюнул на это дело. Почему? Или его что-то спугнуло?

Может быть. А может, он просто не сомневался, что его никто не найдет.

Панкратов нахмурился. Погано, если так... очень может быть, что он не имеет никакого отношения ни к сдаваемой квартире, ни к ее жильцам. А если так, искать его придется долго. Очень долго. И не найти никогда.

В самом деле, куда уж поганей!

И все равно – необходимо проверить тех, кто эту квартиру снимал, круг знакомых, знакомых их знакомых... Кто-то из них связан с Семикопным. Значит, нужно найти, каким образом связан. То есть жизнь Алексея Семикопного должна предстать перед следователем Панкратовым как на ладони. Ее придется прочесть, как книгу, чтобы найти того, кто поставил в конце этой книги свинцовую точку.

«Если бы я был писателем, – с иронией подумал Панкратов, – я бы фигню про свинцовую точку непременно записал бы в блокнотик. У меня и блокнот есть... Только не для то-

го, чтобы красивенькие фразочки записывать, а чтобы работу работать».

– Извините, позвольте, я запишу ваши имена-отчества и фамилии, – вежливо сказал он, доставая пресловутый блокнот и поочередно оглядывая собравшихся на площадке. И тут, совершенно не к месту, Панкратов вспомнил, что фразу про свинцовую точку он вовсе не выдумал, а в незапамятные времена вычитал у Вадима Кожевникова в его книге «Щит и меч».

Непонятым образом настроение, и без того бывшее дурным, еще больше испортилось.

* * *

Только собираясь назавтра на мастер-класс, Алена сообщила, что не знает, где именно он будет проводиться. Быстро перезвонила по телефону, по которому вчера регистрировалась, но никто не ответил. Наверняка адрес был указан в объявлении, но почему-то Алена не обратила на него внимания. Где же этот «Монитор»?! Ну да, поди найди тот ножичек... Понадобилось некоторое время, чтобы в огромных полиэтиленовых мешках, приготовленных к выносу на помойку и полных всякого теткиного старья, найти нужную газетку. «Серышева, 34», – прочла Алена и очень удивилась, потому что по этому адресу находились организации, менее всего имеющие отношение к аргентинскому танго. Книжное

издательство, типография, редакция краевой газеты «Тихоокеанская звезда»... Впрочем, то были воспоминания многолетней давности, кто его знает, что наш бурный век сотворил с этими почтенными организациями, может быть, теперь на Серышева, 34 расположены парочка ресторанов, ночной клуб, стрип-бар и подпольное казино! А что? Легко, как говорится!

Однако, появившись на пересечении улиц Серышева и Джамбула, Алена не обнаружила в основательном сером здании никаких признаков разгульной жизни. И звуки танго, что характерно, ниоткуда не звучали. Кое-как ей удалось вызнать у охранника, что типографскую столовую переоборудовали в спортзал, и там вроде бы иногда проходят какие-то танцульки.

Он так и сказал – танцульки...

Алена, впрочем, не обиделась. Она привыкла – ведь часто слышала кое-что и похуже: и танцы-манцы, и танцы-за...цы, и танго-манго... впрочем, танго-манго – это был скорее комплимент. Она пошла искать старую столовую, обнаружила ее в полуподвале с другой стороны здания, где размещался вход в редакции, и вот тут-то и услышала звуки, от которых ее просто-таки холодок волнующий пробрал: танго! Звучало танго! Это было «El flete» в исполнении оркестра Д'Арьенсо. Алена любимые оркестры распознавала с полужвука, а Д'Арьенсо, конечно, принадлежал к числу ее любимых. Да и кто его не любит?! Классика есть классика!

Любят Д'Арьенсо не только потому, что у него очень красивая, необычная аранжировка, но и потому, что у его танго невероятно четкий ритм. Сильные доли, слабые доли, синкопы – все это улавливается и различается даже тем ухом, на котором некоторое время постоял медведюшка-бабочка. Поэтому эту музыку беспрестанно включают на уроках в начинающих группах. Да и в продвинутых тоже, впрочем. И на милонгах оно частенько звучит. Но и изучать под «El flete» основной шаг и ритмику аргентинского танго – самое милое дело. И Алена, едва услышав знакомую мелодию, даже задрожала от радости, что снова танго, танго, танго ее обнимает, нежит, прижимает к себе и ведет в салида крусадо, выводит, по-русски говоря, в крест... Быстренько уточню, чтобы не считали нашу героиню мазохисткой-стигматичкой (или стигматкой?.. Да какая разница!), что ничего мученического в упомянутом кресте нет, одна радость, и называется так одна из базовых фигур танго.

Алена поспешно переобулась, застегнула на щиколотках ремешки своих самых любимых танго-туфель (ну, туфлями называть изысканно-эфемерное шелково-лакированное сооружение на двенадцатисантиметровой шпильке можно только из-за исключительно малого количества в нашем языке слов, обозначающих женскую обувь!), одернула моднющие черные «зуавы», в которых было очень удобно танцевать, и они совершенно не мешали сделать растяжку на колене партнера или вскинуть ногу для столь высокого пьерна-

са или болео, на какие только мог вывести изощренный тангеро! – поправила лифчик под оранжевым шелковистым пуловером, не далее как вчера случайно купленный в том крытом, извините за выражение, рынке, в который превратился бывший центральный городской универмаг... Ну, кое-что хорошее там можно было найти и сейчас, вот пуловер тому пример, да и лифчик китайский, красоты и удобства необычайных – такими почему-то лишь китайские лифчики и бывают! – взъерошила свои и без того пышные волосы и вошла в зал, сверкая глазами и чуть ли не всхлипывая от счастья.

Впрочем, уже через мгновение восторженное выражение ее лица несколько полиняло. Алена очутилась в нормальном спортивном зале, загроможденном тренажерами до такой степени, что свободным оставался жалкий пятачок размером с ее кабинет (он же гостиная), то есть три на шесть. Ну что ж, говорят, милонги в знаменитом Байресе проходят и на меньшем пространстве! Там тангуют в столь близком объятии, что у дам и кавалеров дух захватывает! Но танговать – это одно, а учиться – другое. Пять партнеров пытались как-то лавировать на этом крошечном танцполе, одновременно обучаясь и тому, как ставить даму в крест, и навигации. Между ними натурально ужом извивался худенький и невысокий молодой человек с хвостом (на голове, понятное дело!), в широченных штанах и просторной футболке, с серьгой в ухе и несколькими причудливыми серебряными кольцами на пальцах. Волосатое запястье было схвачено

браслетом, и Алена поняла, что это и есть знаменитый Сергей Климов из Владивостока, обучавшийся в Байресе. Все русские тангерос, побывавшие в этой танго-Мекке, немедленно навешивали на себя невероятное количество серебряных побрякушек и справляли широкие-преширокие штаны. То, что на нем были черно-белые ботинки, – главный отличительный признак тангеро, после самого факта тангования, конечно! – несколько терялось в изобилии прочих деталей.

«Ка-ак мне надоели эти недоростки! – с привычной печалью подумала Алена. – Ну что бы ему оказаться такого роста, как тот парень из редакции... ну, как его... Герка, вот кто. Почему так мало высоких парней среди тангерос?! Просто клиника! Или все дело в том, что это я слишком высокая? Выше всех...»

Алена собралась было предаться обычному самоедству на тему своего 172-сантиметрового роста (а заодно и веса, который перманентно мечтала снизить, а он как завис на уровне 65 килограммов, так и не желал уменьшаться никакими усилиями!), как вдруг увидела под стеночкой (любимое место отдыха беспартнерных девушек!) столь же высокую, как она, даму лет тридцати пяти с размашисто покрашенными серыми глазами, в буйных русых кудрях и в джинсах с топи-ком, из которых выпирали ее весьма чрезмерные рельефы. Но, что характерно, она явно не комплексовала по поводу своих габаритов и одиночества. Стояла, гордо вскинув голову, и с немалым презрением смотрела на худенькую черня-

вую девушку, которую Сергей Климов как раз пытался поставить в крест, а она всеми силами этому сопротивлялась.

– Нет, нет, – терпеливо говорил тренер, – левая перед правой, а не наоборот! Вы меня послушайте, и нога сама встанет куда нужно.

У девушки не получалось.

– Алена, может быть, вы мне поможете? – с надеждой обернулся Сергей к пышной даме.

«Еще одна Алена!» – подумала наша героиня не без некоторого неудовольствия. Вообще-то это имя на Дальнем Востоке не слишком распространено. Здесь Елены и есть Елены, Лены – Лены, Леночки – Леночки, ну а Ленки – Ленки. Аленой наша героиня стала зваться уже «в России», в Нижнем Горьком, да и то не столько по собственной воле, сколько по воле издательства «Глобус». Ну и, как уже было сказано, полюбила новое имя куда больше родного. И теперь с некоторой ревностью поглядывала на других Ален, убежденная, что это имя к лицу только ей, а другим – ни чуточки. Ну, а толстухе оно совершенно не шло!

Похоже, «толстуха» и сама так считала, потому что несколько замешкалась, прежде чем выйти к Сергею, и даже оглянулась, словно та Алена, к которой он обращался, стояла за ее спиной.

«Зачем он ее позвал? – подумала писательница, лишь только тезка встала рядом с партнером. – Мало того что она его легко задушит в объятиях, – она же типичная бальница,

он что, не видит?»

Чтоб вы знали, бальники и бальницы (пардон за анти-типичию!) – это те, кто занимается спортивными бальными танцами. У них в «стандарте» (к этой программе относятся вальс, медленный вальс, квик-степ и бальное европейское танго) особая стойка: корпуса разведены, колени, напротив, сближены, полусогнуты. Стойка же в аргентинском танго совершенно иная, с точностью до наоборот: верхнее объятие близкое, бедра не соприкасаются, а ноги партнерши при шаге назад удаляются от ног партнера максимально далеко. У тангерос даже поговорка есть: «Во всех ошибках в паре виноват партнер, кроме того случая, когда он наступил девушке на ногу. Сама виновата – неправильно ушла!»

Ну так вот – эта Алена № 2 стояла в типичной бальной стойке, откинув голову, отвернувшись от партнера, отдалив от него плечи, а коленями, наоборот, просто-таки пыталась уцепиться за его ноги. Даже туфли на ней были «бальные», вернее, босоножки для «латины», черные, замшевые, со стразами.

Сергей, чувствовалось, был несколько ошарашен ее откровенной «бальностью». Он пытался поставить даму в обычную стойку аргентинского танго, заключить ее в близкое объятие, но она никак не давалась, хоть тресни.

Сергей выглядел виноватым. Он пытался изменить объятие, подстроиться к партнерше, но она стояла как памятник бальному танго и вообще не реагировала на ведение.

Так, подумала наша героиня, кажется, наступает время ей выходить на танцпол!

– По-моему, она просто не умеет танцевать аргентинское танго, – пробормотала Алена как бы про себя, однако реплика ее была услышана.

– Да вы что?! – возмущенно прошипел рядом женский голос. Алена повернулась и увидела маленькую блондиночку с точеной фигуркой. У нее были редкостно невинные голубые глаза. – Уж если она не умеет, то... ну я просто не знаю, кто тогда должен уметь! Она даже во всех своих книжках пишет про аргентинское танго!

Так... Мало того что Алена, еще и писательница! И про аргентинское танго пишет! Бывают же такие совпадения!

– А вы что, на мастер-класс? Записывались? – сменила тему блондиночка.

– Да, вчера вечером, – кивнула Алена. – По телефону.

– Помню, помню, вы со мной разговаривали. Я из оргкомитета. Меня Марина зовут. Вы на все классы? Тогда с вас шестьсот рублей. – Она раскрыла блокнот, который держала в руке. – Значит, так... Ваша фамилия Дмитриева? Елена Дмитриева?

– Ну да, – кивнула наша героиня. – Это я.

– Надо же, какое совпадение! – восхитилась Марина. – А ее, – кивок в сторону кудрявой писательницы с бальной стойкой, – зовут Алена Дмитриева. Читали ее книжки? Она детективы пишет.

– Ну Санек, ну будь человеком...

– Да что ты от меня хочешь? – устало вздохнул следователь Панкратов, которого, если кто-то помнит, звали Александром Александровичем.

– Ну сам знаешь...

– Как же ты, Венька, мне надоел! – снова вздохнул Панкратов. – Ну чего б тебе немножко не поработать? Хотя бы для разнообразия? Ну чего ты мне названиваешь и мешаешь дело делать? У меня тут, понимаешь, рост преступности... и всякое такое...

– Да ты сам виноват, – отозвался человек, коего следователь назвал столь запросто и который сам себе позволял в отношении него сплошные фамильярности. – Кто меня этой рубрикой заманил? Кто обещал мне регулярно материал для нее давать? Кто клялся не подводить и подкармливать меня самой свежей и жареной инфой? И кто теперь говорит: надоел? Не поверишь, Санек, это один и тот же человек. И этот человек – ты.

– По-моему, понятия «свежий» и «жареный» не очень-то сочетаются, – хмыкнул Панкратов. – Если жареный, значит, уже не вполне...

– Ты путаешь понятия «свежий» и «сырой», – перебил Венька снисходительно. – Скажем, котлеты – они могут быть

и жареными, и при этом совершенно свежими. Или ты намекаешь на то, что моя сестра с некоторых пор кормит тебя недоброкачественными котлетами? Придется твои намеки довести до ее сведения! Сделать ей, так сказать, суровое братское внушение. Не дело это, понимаешь, не успела замуж выйти, а уже начала пренебрегать самыми элементарными...

– Заткнись! – грозно приказал Панкратов. – Заткнись, шантажист и словоблуд, не то я тебя немедленно удушю!

– Немедленно не получится, – хохотнул Венька. – Тебе придется выйти из кабинета, сесть в авто, помучиться в пробке на Муравьева-Амурского, доехать до редакции, найти меня – а я буду прятаться, предупреждаю! – и только тогда привести в исполнение свой гнусный умысел.

– Я могу не садиться в авто и не мучиться в пробке, а пройти проходными дворами, так скорей выйдет, – уточнил Панкратов. – Но все равно ты прав – немедленно не получится. Вообще, я удивляюсь, Венька, как у такого сокровища, как твоя сестра, мог уродиться столь жуткий братец, как ты. Шантажист и рэкетиер, можно сказать, бандит пера!

– Вынужден уточнить, – совсем уж давясь от смеха, выговорил Венька, – что в свое время я уродился не у своей сестры, а у маменьки, так что все вопросы к ней. Что касемо шантажа, ты меня оскорбляешь. Ведь на самом деле я забочусь о твоей чести. О том, чтобы ты держал слово. Ты ведь, напоминаю, клялся и божился, что будешь моим по-

стоянным информатором. Случилось это, правда, в то время, когда тебе нужна была моя помощь, чтобы склонить мою несчастную сестру к браку с таким клятвопреступником, как ты. Я тебе помог, и что же вижу?! Как ты стал относиться к другу детства и, можно сказать, пособнику в осуществлении твоих брачных намерений?!

– Ну, слушай, – с обреченным вздохом сказал Панкратов, он знал, что от Веньки отвязаться невозможно и придется сдаться. Репортер – это ведь сушая пиранья. Бывают акулы пера, а бывают пираньи пера. И суть дела не меняется, если одна из таких пираний – твой друг и, можно сказать, брат по линии жены. – Только это – в последний раз, понял? У нас, наконец, взяли постоянного человека для связей с прессой, теперь начальство на наши контакты будет сурово смотреть. Очень сурово. Вплоть до санкций и карательных мер, нас уже предупредили. А ты же не захочешь, чтобы меня выгнали со службы и мы с твоей сестрой пошли по миру или, того хуже, сели тебе на шею?

– А почему это – мне? – испугался Венька. – Почему не маме с папой?

– Потому что не из-за папы с мамой меня попрут с должности. А из-за тебя! Тебе и отвечать. Преступление, так сказать, и наказание, понял?

– Ладно, договорились, сядете на мою шею, – покладисто согласился Венька. – Но пока тебя еще не уволили, давай, колись, а то мне колонку сдавать пора.

Панкратов для порядка еще немножко повздыхал, а потом начал рассказывать. Он перечислил пару бытовых убийств, виновники которых были обнаружены не сходя, можно сказать, с места преступления, поведал о случае киднеппинга, пресеченного бдительной учительницей, о попытке поджога бензоколонки мстительной дамочкой, которой там залили некачественный бензин, отчего мотор ее «Короллы» стал работать с перебоями, а когда она пришла жаловаться, заявление не приняли, деньги не вернули и вообще назвали «коровой»... то ли из-за ее габаритов, то ли из-за авто, по созвучию. Она не стала выяснять причину, а сразу попыталась устроить страшную месть. С точки зрения Панкратова, этой информации для колонки «Сплошная криминальщина» было вполне достаточно, однако пираньи пера славились своей ненасытностью, и Венька не был исключением.

– Маловато, барин, – сказал он со сварливыми интонациями. – Накинуть бы надоть! Ну что такое – всего четыре фактика! Поддай жару, Санька, еще хотя бы один криминальчик выдай – и я от тебя отстану аж на неделю.

Панкратов вспомнил, что через неделю приступит к работе новый человек в пресс-службе, злорадно ухмыльнулся и решил напоследок все же порадовать родную пиранью.

– Про эти две истории пиши осторожней, – предупредил он, – информации у нас очень мало, а та, что есть, в интересах следствия практически не разглашается. Но, если подумать, некоторая целенаправленная утечка делу не повредит.

Намекнем пару раз легонько, тонко этак на толстые обстоятельства... Хотелось бы, чтобы преступники как-то засуетились. Вдруг выдадут себя.

– Ты что там тихо сам с собою? – нетерпеливо спросил Венька. – Инфу гони!

– Сейчас, – отмахнулся Панкратов. – Не мешай думать! Хорошо, бери ручку.

– Да у меня диктофон давно включен, – алчно простонал Венька, – ну давай, говори уже!

– Поехали, – вдохнув поглубже, сказал Панкратов. – Ну, смысл ситуации в том, что буквально на днях был убит некий молодой человек, недавно уволенный со службы. Красивый, свободный, отвязный мотоциклист, из тех, кого байкерами называют. Служил он на непыльной должности курьера в одной из фирм небезызвестного господина Вторушина...

– Известная фамилия, – вставил Венька. – Владелец заводов, газет, пароходов!

– На самом деле все это у него имеется в единственном числе, – уточнил Панкратов. – А также еще некоторые радости жизни, как то: выгодные строительные подряды, торговые ряды на Центральном рынке и многое другое.

– Ну да, я же говорю – личность известная! – поддакнул Венька. – Но ты давай к убийству плотней прижимайся.

– В офисе, где служил убитый, судачили: он, мол, пошел на эту смешную работу, чтобы иметь возможность лишний раз погонять на своей обожаемой мотоциклетке. Рабо-

тал исправно, без нареканий, так что увольнение стало для всех пренеприятнейшим сюрпризом. Особенно для офисных красоток, которые положили на него свои хорошенькие глазки. И он, ходили слухи, уже закрутил на службе несколько милых романов. Но вот вдруг его уволили... и хотя он подал заявление по собственному желанию, прошел слушок, будто на него ополчился сам Вторушин, который и вынудил его со службы уйти. Вскоре после его увольнения Вторушин развелся с женой, и пополз слух, будто произошло это из-за красавчика-курьера.

– Да ты что! – аж взвизгнул Венька. – Барыня влюбилась в лакея? То есть жена Вторушина изменяла своему мужу с курьером?! А курьер, значит, трахал все, что шевелится? И она зашевелилась в непосредственной от него близости? Ну и ну, неосторожно парень поступил! И что теперь, когда Вторушин с женой развелся? Они с этим байкером бросились друг другу в объятия? В смысле, не Вторушин, конечно, а его жена и байкер бросились? Хотя погоди... Он же убит! Неужели Вторушин послал к нему киллера? А жена его еще жива? Или ее тоже?... Стой, погоди! – Голос Веньки от возбуждения сделался вовсе пронзительным. – Вторушин же на китайской бизнесменше женат вроде бы... Она как раз и держала его торговые ряды... И что, она жива?! Погоди, вчера точно была жива.

– Вчера? – Панкратов насторожился. – Ты ее видел?

– Ну да.

– Где?!

– Ну, где, ясное дело, у нас в редакции!

– Что, серьезно – была она?!

– Она, она, сама назвалась. Ах, дурак, я ее сразу с Вторушиным не увязал, Сунь Банан да Сунь Банан, а что это вторушинская жена, которая иногда зовется на русский лад Светлана Борисовна... Из-за нее байкера убили?! Ни хрена... у нас Герка тоже байкер, надо спросить, знал он этого, как его... Кстати, как его звали?

– Алексей Семикопный. Попытайся точно вспомнить, во сколько бывшая жена Вторушина к вам приходила, а главное, зачем. И почему ты ее так пошло называешь, Сунь Банан? На самом деле она – Сунь Банань.

– Из-за того и приходила, что Сунь Банань! – огорченно вздохнул Венька. – А я ее в той инфе про драку на рынке Бананом назвал. Она там с какой-то продавщицей что-то не поделила. Хозяйка дралась со своей работницей, ну и умора! Я написал, да в имени одну букву пропустил, ну, она и приходила права качать.

– Что, серьезно? – недоверчиво спросил Панкратов. – Странно...

– Да и я считаю, что из-за такой ерунды не стоило заводиться, – горячо согласился Венька. – Ребята тоже. А начальство опять ворчит, неймется ему... С другой стороны, на то и шука в море, чтоб карась не дремал.

– То есть эту китаянку не только ты видел?

– Конечно, не только! Ее вся редакция, думаю, видела. Ну, человек пять наших точно ржали в коридоре, когда она пришла. Начальство в полном составе имело место быть: и главный, и замша. И еще подружка замши нашей присутствовала. Между прочим, знаешь, кто это? Алена Дмитриева! Ну, та самая.

– А ху из Алена Дмитриевна? – рассеянно спросил Панкратов, который недавно закончил краткосрочные курсы английского языка и еще не все забыл из выученного.

– Не знаешь? – изумился Венька. – Да та самая, книжки которой твоя супруга постоянно читает. Не замечал?

– Ну да, читает она что-то, вроде дамские детективы, – вспомнил Панкратов. – Но я думал, это какие-нибудь маринины, донцовы, эти, как их...

– Одна сатана, – поддакнул Венька. – Маринины-донцовы – они сильно крутые, а эта вроде как попроще. Но сестричке Анютке очень нравится. Она все книжки Дмитриевой собрала. Ты смотри, Санек, не проговорись жене, что Дмитриева сейчас у нас, в Ха, а то она покою тебе не даст, захочет познакомиться, автограф взять, то да се...

– Уверен, что Дмитриева будет возражать? Думаю, все писатели обожают, когда у них автографы берут. А ты, кстати, мог бы позаботиться о сестре, попросил бы писательницу книжечку ей подписать.

– Да я бы попросил, но не успел, – грустно сказал Венька. – Тут Сунь Банань сунулась со своими претензиями, ну, и пока

начальство с ней и со мной разбиралось, Дмитриева ушла.

– А чем дело с Бананом кончилось? – не смог удержаться от усмешки Панкратов. – Судебного разбирательства не будет?

– Да нет, обошлось, я извинялся, расшаркивался, раскланивался, бил челом, все такое... Александрина наша Богдановна сверкала глазами и предлагала напечатать редакционное извинение на последней полосе: мол, опечатка вышла по недосмотру, в такой-то строке такой-то заметки следует читать не Сунь Банан, а Сунь Банань. Но, к счастью, у китаезы хватило ума не позориться. Так на очепятку никто внимания не обратил, конечно, а после публичного извинения только младенец не будет спрашивать, что же все-таки сунуть надо, а главное, куда.

Панкратов расхохотался.

– Правда что! И все-таки, знаешь, мне придется прийти к вам в редакцию, поговорить с людьми, убедиться в том, что эта лаобаньянг Сунь Банань...

– Кто-кто? – удивился Венька.

– Лаобаньянг, – повторил Панкратов. – Так принято обращаться в Китае к замужней женщине, причем к женщине самостоятельной, владелице какой-либо собственности.

– Да зови ее просто мадам Вторушина, – посоветовал Венька. – Зачем язык ломать?!

– В том-то и дело, что женщина в Китае не принимает фамилию мужа, а сохраняет свою. Раньше фамилия мужа хотя

бы присоединялась, а теперь и этого нет. Если только невеста выразит личное желание. Но дети обычно получают именно отцовскую фамилию.

– А ее настоящая фамилия какая?

– Ну, видимо, Сунь. Да не закатывайся ты, ну что поделаешь, у них всегда на первом месте фамилия стоит, а имя – на втором. Имя, значит, Банан, то есть Банань. Да кончай ржать! – уже с досадой прикрикнул Панкратов. – Умолкни, Венька, ты не дал мне договорить. Я приду к вам, чтобы убедиться, в самом ли деле эта особа была в редакции в такое-то время, и составить по сему поводу протокол.

– Ты мне не веришь, что ли? – обиделся Венька.

– Верю, но мы с тобой сейчас по телефону говорим, а телефонный разговор к делу не пришьешь. А мне очень важно время уточнить.

– Почему? Проверяешь, могла ли она убить того байкера? – предположил Венька. – Но ведь она приходила в редакцию вчера, а байкера когда убили?

– Не вчера, – согласился Панкратов. – Мне просто нужно одну штуку проверить...

«Что-то ты темнишь», – подумал Венька, но спорить не стал. Кто ж спорит со своим благодетелем!

* * *

– Пардон? – по привычке, усвоенной в любимой Фран-

ции, пробормотала Алена, чувствуя, как к ее губам прилипает недоверчивая, чуточку жалкая улыбка. – Детективщица? Как ее зовут, вы сказали?

– Алена Дмитриева, – почтительно повторила девушка. – Я у нее, правда, ничего не читала, но говорят, что это просто потрясающе!

– Нет, – выдавила Алена с трудом, – какая ерунда!

– Ерунда?! – Девушка возмутилась. – У нас девушки читали, говорят, вообще супер. А вон тот высокий партнер, видите?..

Она указала на и впрямь высокого мужчину, который неловко держал в объятиях кругленькую брюнетку с грубоватым гуранским лицом. Сам он был лет сорока и довольно хорош собой: волосы соль с перцем, сильные черты, глубоко посаженные мрачноватые глаза, крепкий, суровый рот. Повезло его даме, что и говорить. Она-то сама не больно привлекательна – кстати, в Ха красивых мужчин больше, чем красивых женщин, не то что в Нижнем Горьком, где в каждой маршрутке половина особ женского пола запросто пройдут отборочный тур на любой, самый всепланетный, конкурс красоты, а мужиков через одного можно на свалку везти.

Этот же мужчина невероятно смотрелся бы в каком-нибудь вестерне. Почему нет вестернов на дальневосточную тему? Или это будут истерны?⁹ Да хоть горшком назови! История защиты русскими Албазина от маньчжуров – это тако-

⁹ *Истерн* – от английского слова east – восток.

оооо сюжет!..

Мысли нашей героини вообще имели свойство давать кругалю в самые неподходящие мгновения. Вот и сейчас она на миг отвлеклась от несусветностей, которые услышала от Марины, как бы отмахнулась от них, но та вновь вернула ее к теме:

– Его фамилия Терехов, зовут Никита Дмитриевич. Ну вот, он говорит, что ее романы хоть называются дамскими, но их и мужчинам читать довольно интересно, не все, конечно, но исторические – точно, и потом у нее какой-то роман есть про шифры... там что-то про Екатерину Медичи, про Германию во время войны... он говорит, все так запутано, такой сюжет крутой, он просто оторваться не мог.¹⁰

– Ну да, я понимаю, про какую книжку вы говорите, – кивнула Алена. – «Список Медичи» называется.

– А говорите, не читали, – удивилась Марина.

– Ну вообще-то я практически не перечитываю то, что написала, – виновато улыбнулась Алена.

Марина растерянно моргнула:

– Так вы что, тоже писательница, я не поняла?

– Ну да. Меня зовут Алена Дмитриева.

– Погодите, вы же записались как Елена... – начала было Марина, и вдруг до нее дошло: – Как – Алена Дмитриева? Как – писательница? Вы?! А как же... а почему же?!.

¹⁰ Об этом написано в романе Елены Арсеньевой «Список Медичи», издательство «ЭКСМО».

Она растерянно уставилась на кудрявую бальницу. Сергей Климов уже отчаялся сладить с ней и пытался танговать сразу за двоих, показывая партии и партнера, и партнерши.

– Извините, может, я вам помогу? – решительно сказала Алена, делая шаг вперед.

Усталые темные глаза владивостокского тангера, в которых уже поселилась безнадежность, скользнули по ее лицу, груди, по «зуавам», опустились к вызывающе-фирменным танго-туфлям... и когда он вновь поднял голову, в них появилось выражение радостного ожидания.

– Вы... знаете, что такое «салида»? – спросил он с надеждой.

Алена кивнула.

Сергей подошел к своему ноутбуку, стоявшему на стуле, и включил другую мелодию. На сей раз зазвучал оркестр Ди Сарли – знакомое, можно сказать, родное, понятное, незаменимое для начинающих и такое красивое танго «Comme il faut». Сергей протянул руку, Алена вложила свою... подошла ближе, поудобней разместив свой великолепный бюст на его тощей груди, обняла партнера покрепче, расправила плечи... ну-с, перенос веса, шаг в сторону, стопа развернута, чуть приоткрыть корпус, четвертый шаг длиннее, на пятом левая нога пришла перед правой, Алена стала в «крест»... и-и-и шесть, семь, восемь, потом мягкий поворот к правому плечу партнера, «очос» вперед, правый «медиа хиро»...

О господи, спасибо тебе за то, что ты сотворил аргентин-

ское танго!

– Ох, наконец-то здесь нашелся человек, который хоть что-то понимает! – простонал Сергей. Алена чуть не засмеялась от щекотки, потому что губы ее нового партнера прижимались как раз на впадинку между ее шеей и плечом. – Да что я говорю – вы не «хоть что-то понимаете», вы прекрасно танцуете! Спасибо вам огромное! А то я без своей партнерши ну как без рук, вернее, без ног. Она только поздно вечером из Москвы прямо сюда прилетит, там непогода, задержки всех дальневосточных рейсов... А я в поезде от нечего делать вышел через КПК в Интернет, на форум «Gotango», смотрю – тема какой-то Фелисии: «Есть ли танго в Ха?» Это ваш ник? Это вы – Фелисия?

– Ну да, – кивнула Алена, радуясь, что хоть что-то начинает проясняться.

– Значит, вы – писательница? Читали тему, в которой обсуждают ваш рассказ «Крест, 8С, бутерброд» в рождественском сборнике детективов издательства «Глобус»?

– Нет, а что, была на форуме такая тема?! – почти с ужасом воскликнула Алена, от изумления делая столь высокое линейное болео между ног Сергея, что он вынужден был подпрыгнуть, чтобы спасти некоторые жизненно важные органы.

– Была, была, – засмеялся Сергей. – Гадали, кто такой Александр Великий, Афина, Серый Мачо, Гусь Хрустальный и прочие. Хотя Александра Великого трудно не угадать,

даже я его узнал. И там ваш ник раскрыли... конечно, это не слишком-то корректно, потом кто-то из модераторов тему закрыл. Жаль, что вы не видели. Кстати, кто такая Брунгильда? И Три мушкетера в одном лице?

Алена раскрыла тайны прозвищ своих любимых питерцев.

– На форуме никто не догадался! – хмыкнул Сергей.¹¹

В это мгновение музыка закончилась, и Сергей с Аленой с явным неудовольствием остановились. Изумленная тишина в зале длилась несколько мгновений, а потом все захлопали.

– Так вот ты какой, цветочек аленький, – улыбнулся высокий мужчина, которого показала Алене Марина и которому понравился «Список Медичи». Терехов Никита Дмитриевич... персонаж воображаемого ею «истерна» про защиту Албазина. – Вот что такое аргентинское танго! Потрясающий танец... Я-то сюда больше из любопытства пришел, но теперь точно знаю, что хочу научиться танцевать это танго!

– Ну, вечером прилетит моя партнерша, и завтра мы продолжим наши классы, – улыбнулся Сергей. – Я еще проведу несколько специальных уроков для ваших преподавателей, чтобы, так сказать, наставить их на путь истинный.

– А нельзя ли попросить эту даму показывать с вами основные фигуры? – перебил его Терехов, глядя на Алену.

¹¹ Обо всем этом можно прочитать в рассказе Елены Арсеньевой «Рождественское танго», издательство «ЭКСМО».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.